

ЕВГЕНИЙ ИЛЬИЧЕВ

МАГЕЛЛАН

ЧАСТЬ I ПРИБЫТИЕ

Евгений Ильичев

Магеллан. Часть 1. Прибытие

«Автор»

2023

Ильичев Е. Ю.

Магеллан. Часть 1. Прибытие / Е. Ю. Ильичев — «Автор», 2023

Человечество достигло апогея своего развития! Научившись создавать червоточины, люди, наконец, вышли из своей колыбели. Далекие галактики и неизведанные экзопланеты теперь, как никогда, доступны человеку! На финальном отрезке полета экипаж межзвездного крейсера "Магеллан" экстренно разбужен корабельным ЦУП-ом. Поводом послужило экстренное сообщение с Земли о глобальной катастрофе. В конституции Земли основным положением является приоритет проблем материнской планеты над всеми остальными задачами. До места назначения Магеллан так и не добрался. Экипажем принято вынужденное решение экстренно прервать экспедицию и вернуться на Землю. Отныне будущее всей человеческой расы в руках экипажа межзвездного крейсера "Магеллан". Задача - спасти родную планету. Вопрос только в одном - от чего именно её придётся спасать?

© Ильичев Е. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Трудный выбор	5
Глава 2. Горькая правда	8
Глава 3. Подозрения	10
Глава 4. Своя игра	14
Глава 5. Подготовка к спуску	18
Глава 6. Жесткая посадка	22
Глава 7. Первые выводы	28
Глава 8. Нежданный гость	33
Глава 9. У всех своих тайны	39
Глава 10. Первый контакт	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгений Ильичев

Магеллан. Часть 1. Прибытие

Глава 1. Трудный выбор

Мы вышли из криосна. Опять. Ощущения не из приятных. Тошнит, просто наизнанку выворачивает, при этом капсула еще и пить заставляет. Одна радость – память восстанавливается не сразу. Еще пару часов я проведу в обнимку с пластиковым пакетом и ничего помнить не буду. Зрение тоже страдает, четкости нет, только пелена и боль от резких бликов из иллюминатора. Блики чередуются с равным промежутком – стало быть, уже подлетаем. Солнце. Вспомнилось солнце – значит, скоро начнется. Всплывет в голове и начнет выплескиваться из закоулков памяти и все остальное. Захлестнет лавиной и понесет, словно щепку.

Не могу больше пить эту гадость. Отпихиваю трубку с минерализованной водой в сторону. Весь мокрый, выползаю из капсулы. Мышцы болят. Хотя в первый раз болели сильнее. Корабельный ЦУП за несколько недель до пробуждения начал вращение, воссоздал гравитацию, вернул в наши тела нашу же кровь и начал готовить мышцы и центральную нервную систему к работе.

Адаптация. Мы – высокоразвитые космические тараканы. Человек ко всему привыкает, а с поколениями еще и адаптируется. Нам помогает наука. Благодаря науке мы можем создавать узкий спектр условий для обеспечения жизни на борту: температура, тяготение, радиационный фон, вода и питательные элементы – все это воссоздает нам корабль. А мы создали этот корабль. Корабль, путешествующий меж звезд. Мы вышли из собственной звездной системы. Мы сотворили ничто, нырнули в это ничто, а вынырнули уже в другом мире. Это был наш первый полет, вернее, первый пилотируемый полет. На разведку летал и вернулся целым беспилотный корабль с генератором червоточин на борту. С тех пор технологии жизнеобеспечения ушли далеко вперед.

Парадокс: мы способны за относительно короткий промежуток времени преодолеть расстояние в сотни и тысячи световых лет, это если считать от червоточины до червоточины. Но создавать эти червоточины внутри звездных систем – нельзя, так как ненароком можно уничтожить планету или звезду. Приходится пользоваться этой опасной технологией далеко за пределами звездных систем. Но размеры отдельных систем настолько огромны, что на преодоление таких расстояний уходят десятилетия. Пытливый человеческий ум не оставил человечеству шанса. Научившись делать червоточины, мы открыли для себя дальний космос, а в собственной Солнечной системе и на подлете к неведомым мирам пользуемся древними ионными двигателями. А Землю покидали так и вовсе на лифте. Абсурд. Вечно торопимся. В воздух – на самолетах из фанеры, в космос – на ракетах, во вселенную – на малотяговитых ионных движках. Торопимся. Ничего лучшего, чем криосон, для такого случая не придумали. Расстояния огромные, но во сне пережить можно все.

Мне сейчас уже триста сорок два года, из них ровно три сотни лет я провел в криосне. Двадцать пять лет на выход из Солнечной системы, затем еще столько же для удаления на безопасное расстояние. Прыжок в червоточину и выход из нее. Затем сотня лет для подлета к новому миру и торможения, но это расстояние мы преодолели лишь наполовину. Нас разбудил ЦУП. Он принял с Земли сообщение. И теперь избранные на корабле знают, что нашей цивилизации больше нет. Сказать, что мы были в шоке – ничего не сказать. Как говорится – ничто не предвещало... На момент старта нашей миссии на Земле уже двести лет не было крупных вооруженных конфликтов. После четвертой мировой войны в Солнечной системе наконец-то наступил мир. Ресурсы были исчерпаны, и ради выживания всей человеческой расы

нам пришлось сложить оружие и начать развивать науку. Наука стала нашим всем. Она дала нам пищу. Она дала нам новые источники энергии, дешевой энергии. Эта дешевая энергия позволила обеспечить жильем и пропитанием все население планеты. Мы заселили ближний космос. Колонии на Луне, Марсе и Европе. И апогеем развития науки стало открытие принципа передвижения сквозь червоточины.

До места назначения мы не долетели каких-нибудь пятьдесят лет. Получив последнее сообщение с Земли, корабельный ЦУП принял единственно верное решение – разбудить экипаж. Пассажиры остались лежать в криосне, а нам – командиру корабля, старпому, научному руководителю полета, инженеру систем безопасности и руководителю медицинской службы, вашему покорному слуге, – предстояло принять важное решение.

Мы расшифровали все сообщения, долетавшие до нас из дома за время нашего путешествия. Все они приходили с огромной задержкой во времени, но, тем не менее, были одного характера. Общая идея: *все хорошо, получаем ваш сигнал, дома – порядок*. По особой договоренности, при возникновении чрезвычайной ситуации на Земле на корабль должны были отправить три последовательных сигнала бедствия. Один предупредительный, второй исполнительный. После второго сигнала нас и разбудил ЦУП. Третий сигнал, сигнал подтверждения, мы приняли уже после пробуждения. На коротком совещании было принято решение прервать экспедицию и вернуться на Землю. Основным положением конституции Земли является приоритет проблем планеты над всеми остальными проблемами. Как бы обидно ни было, мы были обязаны вернуться. Многолетний труд миллионов людей и нескольких поколений шел прахом. Вернее, он шел прахом на Земле. Теперь мы олицетворяли собой апогей развития нашей цивилизации и, не достигнув новых миров, возвращались домой. Возвращали свет технологии. Возвращали цвет нации. Несли надежду уцелевшим.

Устав есть устав. Получив сигнал бедствия, мы были обязаны совершить гравитационный маневр у первой же планеты чужой звездной системы и отправиться обратно. И вот мы на подлете к дому. Землю уже видно. Сейчас она светится в иллюминаторе ярче Венеры. Такая крохотная. Такая родная.

«Магеллан», наш звездный крейсер, перенес путешествие отлично. За все время полета не произошло ни единой нештатной ситуации. Навигационная система интеллектуального типа справлялась с прокладкой и корректировкой маршрута на ура, ЦУП работал исправно, экспериментальный энергетический щит выдержал все столкновения с космическим мусором.

Через три часа мы должны собраться на мостике. На повестке дня стояли исследование радиошума Земли, принятие решения о пробуждении пассажиров и составление дальнейшего плана действий. Кое-как придя в себя, я выбрался из своего криомодуля и направился в центральный медицинский отсек. ЦУП предложил пройти идентификацию и после успешного сканирования моего организма дал добро на работу с файловой системой. Все члены экипажа уже пробудились, их здоровью ничего не угрожало. Пассажиры находились в капсулах. За время полета убыли нет. Хорошие новости. Я улыбнулся, наверное, впервые за сто лет обратного полета и направился в каюту. Нужно было привести себя в порядок и переодеться.

Когда я ступил на мостик, все были уже в сборе, ждали только меня. Капитан «Магеллана» жестом пригласил меня сесть на свое место, развернул голокарту и осипшим голосом сказал:

– Земля молчит.

Повисшая на мостике тишина была настолько вязкой, что, казалось, ее можно было потрогать руками. Все понимали смысл этой фразы. «Земля молчит», а значит, ничто не покидает ее пределов.

– Что ж, – развел руками инженер безопасности, – подлетим поближе и просканируем всеми возможными способами. Должно же что-то остаться.

– Или кто-то, – подхватил старпом.

– Или кто-то, – повторил капитан и отдал команды. – Начать торможение. Развернуть системы безопасности. Подготовить экипаж для выхода из криосна. Все резервы на сканирование Земли. К моменту выхода на орбиту мы должны знать все, что только можно знать!

Глава 2. Горькая правда

Спустя неделю мы вышли на геостационарную орбиту. Время пролетело быстро. У меня как начальника медицинской службы было много работы. Нужно было вывести довольно большую часть экипажа из криосна с минимальными потерями. В сложившейся ситуации нам были нужны опытные люди. Это и связисты, и техники с инженерами, работники камбуза, отряд немедленного реагирования, терраформирователи, пилоты челноков и еще много нужных на борту и за его пределами специалистов. Пассажиров-колонистов пока будить не стали, такую толпу пойди еще прокорми. Одно дело – организовать высадку небольшого десантного отряда, технически это было несложно. А разом высадить пятнадцать тысяч колонистов на планету, неподготовленную для проживания, было нереально. Для начала решили действовать по протоколу «Заселение». Тому самому протоколу, по которому мы должны были работать на дальнем рубеже.

Всю эту неделю Землю и ее окрестности сканировали всеми доступными средствами. Изучали состав ее атмосферы и воды. Проверяли строение литосферных плит. Измеряли температуру и строение ядра. Параллельно, исходя из поступающих данных, научная группа во главе с руководителем команды терраформирователей разрабатывала модель нынешней Земли.

Посещать базы на Марсе и Европе не стали, резонно предположив, что раз на наши сигналы с красной планеты никто не отвечает, стало быть, никого там и нет. Да и быть не могло. Все колонии в Солнечной системе целиком и полностью зависели от поставок извне. А раз Земля невыездная больше ста лет, то и колонии приказали долго жить. Единственным противником такого решения был научный руководитель экспедиции. По его мнению, марсианские и лунные базы, пусть и погибшие, могли послужить для нас ценным источником информации. Но капитан, как и большая часть экипажа, был нацелен на Землю, и терять драгоценные дни и кучу топлива на новые гравитационные маневры не видел смысла. Зачем искать дополнительную информацию в космосе, если можно увидеть все своими глазами? Бесспорно, в этих рассуждениях логика присутствовала.

Наконец было созвано очередное совещание рабочей группы, на котором были собраны воедино все имеющиеся данные. Группа во главе с капитаном «Магеллана» молча выслушала доклады всех команд, принимавших участие в наблюдении за Землей. И то, что мы узнали, просто не укладывалось в голове.

Если быть откровенным, я не знаю другого человека, за исключением нашего капитана, способного так спокойно и хладнокровно подвести итоги. За время брифинга ни один мускул не дрогнул на его суровом сосредоточенном лице. На других же членов рабочей группы было больно смотреть. Инженер службы безопасности, невысокий полноватый мужчина, все доклады слушал, стоя в стороне, хмуро вглядываясь в смотровое окно кают-компании. Его лица никто не видел, но зато все видели, как он вздрагивал после каждого доклада. Старпом стоял напротив меня, и выражение его лица говорило о том, что с его психикой после заседания придется повозиться. Он впал в ступор. Глаза его смотрели одновременно и на, и сквозь меня. Я был готов поклясться, что он вообще сейчас ничего не видит. Научный руководитель полета застыл, закрыв лицо руками, время от времени опуская голову к самому столу и сжимая в кулаках свою густую шевелюру. Костяшки его пальцев при этом похрустывали и белели.

ШОК. Другим словом описать состояние присутствующих я не мог. Я сам себя не помнил в тот момент, поскольку постарался абстрагироваться от происходящего. Мне так было легче. Иначе свихнуться было лишь делом времени.

– Прошу садиться, господа.

Голос капитана прозвучал, словно приговор, но все же вывел всех из ступора. Старпом моргнул и вышел из оцепенения. Инженер безопасности медленно вернулся к столу и сел на свое место. Научный руководитель полета поднял голову и уставился на капитана. Тот встал.

– Подведем итоги, – сказал капитан, опершись на стол. – Наше путешествие завершилось на сотом году полета, когда ЦУП «Магеллана», получив второй сигнал бедствия с Земли, принял решение разбудить экипаж. Получив третий, контрольный сигнал, мы приняли решение возвращаться. Спустя еще сотню лет криосна мы вернулись к исходной точке. За время полета мы дважды пронзили пространство червоточинами, и суммарно весь наш путь занял двести лет. Первую часть полета, то есть около пятидесяти лет, мы получали обнадеживающие сигналы с родной планеты. Уйдя сквозь червоточину, мы потеряли возможность общаться с Землей без задержки во времени. Сведя воедино все факты, предоставленные нам группой связи, можно предположить: то, что произошло с нашей планетой, случилось с ней на семидесятом году нашего путешествия. Стало быть, в ТАКОМ (капитан выделил это слово) состоянии Земля находится уже сто тридцать лет. Что мы имеем сейчас? Первое. Состав атмосферы, гидросферы и литосферы планеты почти не изменился. Сотые доли процентов не в счет. Сейсмическая активность в пределах нормы, однако имеются значительные изменения в расположении литосферных плит. Вывод: пребывать на поверхности планеты безопасно. Второе. Температура ядра снизилась на тысячу градусов по Цельсию. Средняя температура воздуха на поверхности планеты понизилась на 10 градусов. Ледяной покров на полюсах продвинулся к экватору на три тысячи километров. Вывод: на планете сейчас очень холодно. Третье. Из сорока миллиардов жителей Земли в живых осталось не более ста миллионов. Они разрозненными группами проживают на обширных территориях, почти не имея связи друг с другом. Вывод: наши потомки пережили глобальный катаклизм небывалых масштабов. И пятое, – капитан нахмурился еще сильнее, но, выдержав паузу, продолжил. – Судя по всему, земляне сейчас находятся если и не в первобытнообщинном строе, то в эпохе феодализма. Нет четких границ государств. Не уверен, что вообще есть государства. Нет мегаполисов. Нет технологий. Нет связи. Ни одного спутника на орбите. Ни одной вышки на поверхности. Нет космопортов. Никакой инфраструктуры. На месте лунной колонии – гигантский кратер. Ни на планете, ни в Солнечной системе нет радиоволн. Нет даже электричества.

Капитан встал. Тишина кают-компании стала свидетелем последнего страшного вывода:

– Экипаж «Магеллана», теперь мы и пятнадцать тысяч колонистов – единственные представители прогрессивного человечества.

Глава 3. Подозрения

После брифинга последовала команда «разойдись». Никаких указаний, никакого плана действий. Просто – «разойдись». Капитан первым покинул мостик, остальные тоже разбрелись по своим каютам. Действия капитана совсем не говорили о его слабости. Я, собственно, так и записал в свой дневник. Скорее, такая его реакция на горькую правду свидетельствовала о его вере в членов экипажа. Капитан понимал, что работает с профессионалами. Знал, что, каждый должен пережить это по-своему, переварить и вынести за пределы своего собственного я. Отныне нет никаких отдельных Я. Есть только МЫ. Мы – как единый организм. Мы – как единое целое, коллективное сознание.

Все верно истолковали его короткое «разойдись». Оно означало: идите и думайте. Решайте судьбу. Нашу судьбу и судьбу всего человечества. Прощайтесь со своим прошлым, друзья. Смиряться и крепиться. Мужайтесь и набирайтесь сил. Предстоит работа. Трудная работа. Работа, сложность и важность которой, вероятно, в разы превосходят ту миссию, которую возложило на нас человечество двести лет назад. Нам предстояло вернуть человечеству цивилизацию. И мы разошлись.

После трехчасового бездействия ожил селектор:

– Всем членам экипажа. Общий сбор в кают-компанию через двадцать минут, – возвестил корабельный ЦУП. – Повторяю. Общий сбор в кают-компанию через двадцать минут!

Не понимаю, почему я всегда прихожу последним? Вероятно, большая часть экипажа собралась в кают-компанию еще до объявления. Я огляделся. Хороший знак. Старпом и научный руководитель полета о чем-то оживленно беседовали возле бара. Инженер систем безопасности рисовал на планшете, вмонтированном прямо в стол, какую-то схему и вполголоса объяснял капитану ее детали. Руководитель отряда немедленного реагирования и пилоты посадочных модулей разбирали на голокарте вероятные траектории посадки. Еще несколько членов экипажа маленькими стайками курсировали по кают-компанию. Ни намек на панику, депрессию или отчаяние. Я улыбнулся, глядя на эту рабочую обстановку, и прошел к капитану.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться, – доложил я и, не дождавшись его одобрения, затараторил. – У меня есть некоторые мысли, касающиеся...

– Успеется, – оборвал меня капитан, жестом показывая, что сейчас совершенно не готов воспринимать одновременно две линии информации. – Доложите на брифинге. Разумеется, я дам вам слово.

Он вернулся к разговору с инженером систем безопасности. Я не обиделся и сел чуть поодаль. Конечно, за время пребывания в своих каютах у каждого сложился свой взгляд на ситуацию, в которой мы оказались. Никто не сидел сложа руки. Каждый разработал план, касающийся его департамента, и горел желанием поделиться им со всеми.

Спустя минуту капитан встал с места и пригласил всех располагаться удобнее. В кают-компанию воцарилась тишина. Все смотрели на капитана. Тот, окинув взглядом собравшихся, начал:

– Итак, коллеги. Утром я подвел краткие итоги наших изысканий. Я понимаю, что те пять выводов, которые я сформулировал, могли показаться пятью гвоздями, вколоченными в крышку гроба нашей цивилизации. Но уверяю вас, никогда прежде я не испытывал большего морального подъема, нежели сейчас. Признаюсь, сперва выводы, которыми я поделился с вами, меня тоже потрясли. Но после... – капитан взял паузу, подбирая нужные слова. – Позже я осознал, что на нас теперь лежит колоссальная ответственность. Мы не вправе впадать в отчаяние и предаваться сантиментам. Нам предстоит огромная работа. В наших руках – будущее. Заседание прошу считать открытым. ЦУП! Внести в протокол заседания вступительную речь и вести подробную запись в бортовом журнале.

- Принято, – спокойно ответил откуда-то из-под потолка голос ЦУПа.
- По мере поступления предложений от членов экипажа производить превентивные расчеты.
- Принято.
- Слово предоставляется инженеру службы безопасности корабля.
- Полноватый мужчина встал и с легкой улыбкой доложил присутствующим:
 - Коллеги, как и сказал капитан, времени на сожаления у нас нет. Ни времени, ни права. Все системы корабля работают исправно. Запаса топлива достаточно на открытие еще двух червоточин и на путешествие, рассчитанное на срок не менее двух сотен лет. В Солнечной системе нет мощи, равной «Магеллану». Реактор корабля позволит находиться на орбите планеты не менее пятисот лет. При условии, конечно, что мы будем пополнять запасы продовольствия. Единственной проблемой может быть само продовольствие. Естественно, о сублимированных и гомогенизированных продуктах в тюбиках придется забыть. Наладить цепочки производства на планете в кратчайшие сроки не представляется возможным. Стало быть...
 - ...Стало быть, лет через пятьдесят из шлюзового отсека сделаем барбекюшницу, – перебил его командир отряда немедленного реагирования. Все засмеялись. Инженер тоже улыбнулся и резюмировал свой доклад:
 - Господа, ресурсов корабля хватит на долгие годы. Несколько поколений, по самым скромным подсчетам, смогут жить и работать на «Магеллане».
 - А как насчет пассажиров? – поинтересовалась девушка-пилот.
 - Ответил сам капитан:
 - Пассажиров пока будить нет резона. Для них, собственно, ничего не изменилось. Времени в их измерении как бы и нет. Их можно разбудить завтра, а можно и через пару сотен лет. Они знали, на что шли, когда укладывались в криокапсулы. Разбудим, когда будем уверены в том, что сможем прокормить всех. Вопросы?
 - Вопросов не было.
 - Принято единогласно. О системах вооружения беседовать нет смысла. За время полета мы ни с кем не воевали, стало быть, все под завязку. Слово предоставляю руководителю отряда немедленного реагирования.
 - Надо бы название должности сменить, – посетовал поджарый, коротко стриженный мужчина в старом комбинезоне, выкрашенном в камуфляж под раритетный стиль милитари. – Слишком уж громоздкое звание.
 - Сократим до аббревиатуры, – согласился капитан. Мне даже показалось на мгновение, что он улыбнулся.
 - Итак, – начал руководитель ОНР, – у меня есть все основания считать, что больше информации, нежели мы имеем сейчас, нам с орбиты не добыть. Предлагаю высадку разведывательной группы в составе трех подразделений. Высадка будет осуществлена тремя посадочными модулями в трех точках планеты. Выберем самые густонаселенные районы, высадимся и уже на месте разберемся, что к чему.
 - Пилоты челноков, – обратился командир, – есть ли какие-нибудь препятствия для выполнения маневра посадки?
 - Никак нет! – отрапортовала та же девушка, что спрашивала о судьбе пассажиров.
 - Тогда, раз больше нет возражений... – продолжил капитан. Тут я поднялся с места, опасаясь, что мне так и не дадут слово.
 - Товарищ капитан, разрешите обратиться!
 - Докладывает начальник медицинской службы, – представил меня капитан. Я прошел в центр кают-компании и жестом вызвал из воздуха голокарту.
 - Господа, – начал я, – взгляните на термодиаграмму самых густонаселенных поселений.

Все уставились на увеличенное изображение одного из поселений, выбранных мной неслучайно. Двести лет назад в этом квадрате была Москва.

– Судя по диаграмме, в этом квадрате сейчас проживает от ста до ста двадцати тысяч человек. Не скученно, а разрозненными агломерациями. Можно сказать, деревнями. Между населенными пунктами – от десяти до сорока километров. Между самыми отдаленными точками – сто сорок километров. Вся остальная часть Евразии, вернее, континента, который ранее так назывался, почти не заселена. Сам континент претерпел существенные метаморфозы. Нет Англии, нет Гренландии. На месте этих островов – океан. Половина Европы затоплена. Нет Кольского полуострова. Контуры береговой линии Европы совершенно иные. Относительно крупные очаги цивилизации сохранились лишь в центральной части Европы, на Урале и в Индии.

– Да, мы слушали утром доклад группы терраформирования, – перебил меня капитан, – что вы хотите донести?

Я кашлянул в кулак и, собравшись с мыслями, продолжил:

– Очевидно, что планета перенесла глобальную климатическую катастрофу. Вопрос о характере катаклизма остается открытым. На момент нашего отлета прогноз по нашей планете на следующую тысячу лет был благоприятным. Остается одно – климатическое оружие.

– Домыслы! – воскликнул научный руководитель полета. – Когда мы отправлялись в полет, на планете таких технологий не было!

– Да, не было, – согласился я. – Но мы понятия не имеем, по какому пути пошло развитие науки после нашего отлета, в частности, после преодоления нами пространства-времени в червоточине. После того, как мы вышли из червоточины в пяти тысячах световых лет от дома, до нас несколько десятков лет долетали лишь примитивные сигналы двоичного кода. Ничего длиннее пары предложений нам послать не могли физически. Мы не знаем, по какому пути шло развитие нашего общества. И потому исключить воздействие сил, нам не известных, мы не можем.

– Какое отношение к делу имеет ваша гипотеза? – поинтересовался старпом.

– Друзья, поставьте себя на их место, – взволнованно начал я. – Вы живете на планете, которую, по сути, изучили вдоль и поперек. Несколько поколений подряд ничего глобальнее циклических колебаний температуры вокруг вас не происходит. Вас на Земле более сорока миллиардов. И вдруг – а судя по масштабам бедствия, это было именно «вдруг» – весь привычный вам мир летит в пропасть. Девяносто процентов населения погибает за считанные дни, остальные девять процентов – в последующие два-три года. Немногочисленные выжившие долгое время прячутся в бункерах под землей без доступа к информации извне. Какая-то часть борется за жизнь на поверхности. Сто тридцать лет непрерывной борьбы с холодом, голодом, эпидемиями, дикой природой и друг с другом. Какова вероятность того, что сейчас эти люди все еще представляют собой ту цивилизацию, которую мы покинули двести лет назад?

– Хотите сказать, – поднялся со своего места капитан, – люди одичали?

– Я практически уверен в этом. Иначе мы получали бы хотя бы примитивные радиосигналы. Боюсь, капитан, когда вы говорили о возможном феодализме на планете, вы были чересчур оптимистичны.

С места вскочил научный руководитель полета и взволнованно заговорил:

– Хорошо. Хорошо! Пусть так. На планете дикость и варварство. Но это ли не повод как можно скорее явиться нашим потомкам с неба и принести в их мир цивилизацию, медицину, технологии?

– Не думаю, что на выходе мы получим то, чего желаем, – ответил я.

– Поясните! – потребовал научный руководитель.

– Достаточно вспомнить историю нашего общества. С изобретения колеса и до самого покорения космоса развитие планеты представляло собой бесконечную череду войн. Постоян-

ный передел земли и ресурсов преследовал человечество на протяжении веков и тысячелетий. И каждое новое изобретение, каждое новое научное открытие приводило к тому, что хитрый и изворотливый человеческий разум находил способ применить его в военных целях. Данные о сейсмической активности планеты говорят нам о том, что эпоха глобального изменения климата завершается. Несколько десятилетий подряд люди на Земле не видят ни наводнений, ни землетрясений, ни ураганов. Та горстка выживших уже адаптировалась к текущим условиям, а стало быть, настало время передела мира.

– И как же мы можем навредить им своим появлением? – не унимался научрук.

– Мы, безусловно, сила. Мы имеем колоссальное технологическое превосходство над теми, кто сейчас борется за выживание там, внизу. Но, вернув людям технологии, мы рискуем одарить их соблазном использовать эти технологии в собственных корыстных целях. Использовать друг против друга. Мы можем развязать войну такого масштаба, после которой восстановить численность населения планеты будет уже невозможно. Даже обладая технологиями, которые доступны нам сейчас, потребуются сотни лет, чтобы выстроить новое общество. А их и так осталось менее одного процента от популяции.

– Но они не посмеют! – воскликнул научный руководитель. – Они не должны видеть в тех благах, которые мы можем им дать, оружие!

– Мы не знаем о морали этого общества ровным счетом ничего, – ответил я и сел на свое место.

Все притихли. С места встал капитан «Магеллана».

– Наш корабль назван в честь одного из самых выдающихся мореплавателей и первооткрывателей в истории. Экспедиции Магеллана удалось первый обогнуть земной шар и вернуться. В ту эпоху разворачивались воистину выдающиеся события. Открывались новые континенты. Цивилизации, развивавшиеся параллельно друг другу, сталкивались лицом к лицу. Колонисты из нового света, открыв Америку, принесли ее коренным жителям свои ценности, культуру и оружие. Мы все помним, чем это закончилось. Это оружие было использовано как против аборигенов, так и самими аборигенами против захватчиков. Начальник медицинской службы прав. Мы должны быть предельно осторожными.

– И что же, нам теперь болтаться на орбите, пока мораль общества на Земле не достигнет апогея? – воскликнул руководитель ОНР.

– Высадка десанта будет осуществляться скрытно. Посадку челноков вблизи поселения запрещаю, – отрезал капитан. – Руководителю ОНР приказываю подготовить группы десантирования, поименно. Пилотам – скорректировать глиссады посадки. Местные не должны видеть ни нас, ни наши корабли. Разведывательная миссия должна быть проведена максимально скрытно. Разойдись!

Глава 4. Своя игра

В кают-компании началась суматоха. Обозначив приоритеты, капитан быстрым шагом направился прочь. Старпом ушел следом за капитаном. Остальные члены экипажа, вскочив со своих мест, принялись бурно обсуждать предстоящую высадку. Уровень шума ощутимо возрос, хотя на крик никто не срывался. Шум, скорее, выдавал общую возбужденность и заинтересованность экипажа.

Принимать участие в общем ажиотаже я не спешил, у меня была иная задача. Я проследил взглядом за руководителем ОНР Виктором Орловым. Тот, судя по всему, решил последовать примеру капитана и удалиться. Но путь озадаченному вояке преградила группа пилотов, которую возглавляла Мария – та самая девушка-пилот, докладывавшая на брифинге о готовности к высадке. Руководителю ОНР, очевидно, было не до них. Рассеянно озираясь, он разводил руками и пытался донести до пилотов какую-то мысль. Мария активно жестикулировала, доказывая оппоненту свою точку зрения, но руководитель ОНР не сдавался. Сути спора я не знал, но девушка продолжала наседать. Я подошел ближе, решив, что пора вмешаться в разговор. Если быть честным, мне было плевать на их разногласия, я лишь намеревался воспользоваться ситуацией и надеялся выиграть для себя пару плюсовых, поскольку точно знал, что моя рассудительность успокоит начальника ОНР. Сыграв на контрасте между собой и вспыльчивой Марией, я намеревался расположить к себе Орлова.

Словно невзначай проходя мимо, я услышал их разговор:

– ...Вы не можете оставить меня на «Магеллане», – возмущалась девушка, – вам поручено составить списки десантных групп. Вот этим и занимайтесь, товарищ Орлов. А в мое подразделение не лезьте! Я сама решу, кому из моих пилотов лететь, а кому остаться.

– Отлично, Мария, – явно не желая пререкаться, ответил руководитель ОНР. – Вот и решайте, кто из вас полетит. Список из шести пилотов перешлете мне к вечеру. Вы сами не летите!

– Я не могу пропустить такое событие! – возмущенно звенел голос девушки на всю кают-компанию. – Я лучший пилот на корабле! Да это я, собственно, вас всех сюда и доставила!

– Именно поэтому вы и должны остаться на «Магеллане», – спокойно парировал Виктор. – Из всех пилотов челноков и посадочных модулей только у вас есть должная квалификация и допуск к управлению звездным крейсером.

– Но я... – уже почти стонала Мария, но Виктор ее перебил.

– Никаких «но». Я должен подобрать экипажи десантных кораблей с учетом всех предстоящих миссий, а не только этой. С посадкой на Землю справится любой пилот, это базовый навык. А случись корректировать орбиту «Магеллана» или, того хуже, прокладывать маршрут через Солнечную Систему, кроме вас и руководства некому будет это сделать.

– Вот именно! – не унималась девушка. – Руководство прекрасно справится и без меня! Мне позарез нужно лететь на Землю, товарищ Орлов! И я полечу, хотите вы того или нет!

И тут Мария допустила фатальную ошибку. Не найдя в своей обойме иных аргументов, она от обиды прошипела:

– Я буду жаловаться на вас! Я папе расскажу!

Тут у руководителя ОНР перекошилось лицо, он покраснел, ноздри его раздулись, в глазах блеснула недобрая искорка. Но ему пришлось выдохнуть весь набранный воздух без ругани, поскольку я бережно взял его под локоток и отвел в сторону, попутно подмигнув девушке-пилоту. Та, решив, что я возьму на себя решение ее вопроса, отступилась и встала чуть поодаль, скрестив на груди руки.

– Виктор Сергеевич, не кипятитесь, – сказал я спокойным тоном, воздействуя своим ментальным полем на его эмоциональный фон. – Вам нужно соблюдать хладнокровие.

Руководитель ОНР хотел было выложить суть своего возмущения, но я опередил его:

– Я понимаю: Мария и слово «субординация» не могут находиться в одном помещении. Но стоит отдать должное ее талантам и вашей прозорливости. Вы абсолютно правы на ее счет – пилоту ее уровня нечего делать на планете с нестабильным климатом.

– Да-да, – словно нехотя согласился со мной Орлов, – другое дело вы, руководитель медицинской службы. Вас я сначала тоже не собирался отправлять. У вас с Марией равнозначные ситуации. Я думал насчет рядовых санитаров, но после решил, что все ваши обязанности на борту могут выполнять и автодоки, там внизу вы все же нужнее. А санитаров консультировать вы можете и дистанционно.

– А вот это зря, – очень мягко ответил я, усиливая свое воздействие. Орлов начинал мыслить не в мою пользу. Я уже сосчитал его пульс и число дыхательных движений, уловил реакцию зрачков на свет и потоотделение – мои «чары», безусловно, действовали на него. – Как раз я вам на планете и не нужен. Вы правы, любую медицинскую манипуляцию, вплоть до замены органов синтетическими, могут выполнить автодоки. Но ставить диагнозы и назначать лечение все же прерогатива людей. Посмотрите вокруг! Как много людей разом вышли из анабиоза. В любой момент кому-то из них может понадобиться квалифицированная помощь. Удаленно я буду не так эффективен. А провести сложный психологический анализ представителей нового вида человечества я смогу и не покидая «Магеллана».

– Вы же не планировали для этих целей похищать аборигенов и доставлять их на орбиту, Герман? – высвободившись из моих объятий и подозрительно прищурившись, спросил руководитель ОНР. Но, усыпленный моим полем, он все же поддался:

– Ладно, я подумаю. Зерно рациональности в ваших словах есть.

Я улыбнулся и, чтобы уж наверняка сработало, еще с минуту воздействовал на сознание руководителя ОНР, отвлекая его пустой болтовней. Затем я проводил его через всю кают-компанию, так же бережно придерживая под локоть, и отпустил в свободное плавание. Пусть взвешивает и резюмирует. Думаю, у меня есть все шансы не попасть в первый десант. Вернувшись к Марии, я состроил хмурую гримасу. Она посмотрела на меня умоляющим взглядом.

– Он обещал подумать, – ответил я двусмысленной фразой, но ее этот ответ, кажется, устроил. – Идите, Мария, готовьте экипажи.

Девушка пристально посмотрела на меня, не понимая, кто перед ней – друг, соперник, или, может, конкурент за место на борту челнока? Но после моего ласкового «прикосновения» и к ее сознанию отложила решение этого вопроса на потом. Она жестом показала остальным пилотам следовать за ней и стремительно покинула помещение. Немного насладившись атмосферой, царившей в кают-компании, я тоже удалился к себе. Нужно было подготовить памятки для десантных групп. Перед спуском на Землю я проведу инструктаж, раздам ответственным лицам ЦУ и портативные коммуникаторы. Пускай записывают все, что видят. А я уж постараюсь сделать свою работу, не покидая орбиты.

Сразу хочу оговориться – на Землю я не планировал возвращаться ни под каким предлогом. И на то были очень веские причины. Я и в экипаж «Магеллана»-то пробился исключительно ради того, чтобы начать жизнь с чистого листа. Землю на пике своего технологического развития я покинул с абсолютно спокойной душой. Я стремился к этому, жаждал этого всем сердцем, а возвращаться обратно на планету, где у власти находились дикари, и вовсе не жаждал.

Конечно, для порядка я тоже собрал свой тревожный чемоданчик. Мало ли, Орлов передумает насчет меня. В моем арсенале было немало полезных гаджетов. В походный рюкзак полетели термокостюм и элементы питания к нему. На планете царил суровый климат. Если экспедиция затянется или пойдет не по плану, важна будет каждая батарея. Также я бережно уложил на дно рюкзака ИКАС – Индивидуальный Комплекс Автономного Существования. Еще перед отлетом с Земли я запрограммировал его, внося в базу данных дрона все свои био-

метрические параметры. Подумать только, этот малыш пролежал на складе без малого двести лет, а до сих пор работает, нужно было лишь установить топливный элемент. Я был уверен, что, когда мы прибудем к месту назначения, этой игрушке место будет разве что в музее, среди патефонов, MP3 плееров и голографических проекторов. К концу нашего путешествия эта технология устарела бы на несколько сотен лет, но по меркам Земли нынешней этот небольшой, с крупное яблоко шар был не просто чудом – он один мог послужить для остатка цивилизации неисчерпаемым источником мудрости и знания. А в руках корыстолюбивых представителей землян – еще и оружием, аналогов которому не придумают еще несколько тысячелетий.

Нужно было также позаботиться о пропитании, но этим должны были заняться пилоты челноков. Оружие я брать не стал. В случае чего, ИКАС уберезет, а нападать мы ни на кого не собирались. Ох, как же я впоследствии жалел об этом решении...

Люди на Земле представляли собой отныне ценнейшую генетическую информацию, и именно поэтому Орлов хотел отправить меня на планету в первых рядах. Ему во что бы то ни стало нужно было выяснить, как изменился организм современного человека под воздействием столь экстремальных природных условий, царивших на планете. Руководство было обязано понять, что произошло с иммунной системой выживших и как развивался их мозг. Основной же медицинской задачей первой экспедиции на Землю была попытка оценить масштабы бедствия. Изучив местное население, их ареал обитания, уклад, быт и технологический уровень развития, я должен был спрогнозировать рост или убыль населения планеты. От моих вычислений зависела судьба всей человеческой расы. Малоприятная перспектива – стать палачом остатка цивилизации. Я понимал, к чему все идет, и хотел если не переложить свои обязанности на других, то хотя бы разделить их поровну. Спустился я на Землю лично, весь груз ответственности возложат на меня. А я не для того бежал с этой планеты, чтобы потом нести ответственность за ее будущее.

Как же я был рад, когда успешно завершилась миссия «Магеллан I». Начавшись задолго до моего рождения, она предопределила мою судьбу. Еще за три сотни лет до изобретения принципа перемещения сквозь червоточины наука задалась вопросом, а каким именно способом можно будет колонизировать далекие миры, когда мы до них доберемся? На тот момент мы уже знали о существовании как минимум дюжины планет земного типа. Мы изучали эти далекие миры с твердой уверенностью, что однажды окажемся там, поскольку параллельно развивались и все остальные земные науки. Решение вопроса о том, каким способом можно будет заселить эти планеты, целиком и полностью легло на плечи врачей и биологов. Естественно, как это часто бывает, сначала мы шли по ложному пути. Разрабатывались до безобразия наивные планы заселения новых миров колонистами. Мы всерьез рассматривали принципы древней креационистской теории происхождения человека. Нескольким тысячам колонистов по прибытии в новый мир отводилось лишь одно занятие – плодиться и размножаться. Очень скоро математики, заручившись поддержкой мощнейших суперкомпьютеров, вычислили необходимое количество колонистов, которых нужно было одновременно поселить в новой среде обитания, чтобы обеспечивался хотя бы минимально необходимый прирост населения. Новейшие квантовые компьютеры проводили свои расчеты с учетом всех известных нам сценариев. Учитывались сотни переменных: климат, флора, фауна, радиация, химический состав воды, почвы и воздуха и многие другие факторы. В расчет шли также стандартные для развития каждой новой цивилизации войны, пандемии и голод. В итоге инженеры и конструкторы, сговорившись с физиками, в один голос заявили: «Кораблей такой вместительности нет и физически быть не может». Затем разрабатывалась другая идея – заселение благоприятной планеты маленьким числом колонистов, вооруженных достаточным геномным фондом. Людей ведь можно и вырастить, думали мы. Однако и от этой идеи вскоре пришлось отказаться. Мы осознали, что даже при условии успешного выполнения всех пунктов программы колонизации нам просто не хватит ресурсов, чтобы обучить новых поселенцев и, что важнее, прокормить их.

Затем в игру вступила молодая наука – терраформирование. Специалисты в этой области стремительно ворвались в научное сообщество со своими новаторскими идеями. Наука эта получила свое второе рождение, когда стало ясно, что даже незначительные отклонения в том или ином параметре чужой планеты могут привести к гибели колонистов. Малейшее снижение процента содержания кислорода или, скажем, отличная от земной нормы концентрация углекислого газа в чужой атмосфере будут в корне менять весь облик создаваемого мира. Растения и животные будут иными. Принципы выработки и трансформации энергии в живых организмах изменятся. Это, в свою очередь, приведет к образованию новых видов, которые вытеснят менее подготовленные – завозные. Ученые терраформирователи предлагали искусственно воссоздавать точные земные условия. Влияя на тектонику, влажность, температуру, ледники, опреснение океанов, они планировали делать из новых миров точные копии нашей родной Земли. Планировалось создать условия, пригодные для адаптации конкретного биологического вида – человека, и только после этого засеивать разумную жизнь на новой планете.

В нынешних же реалиях мне придется делать прогноз прироста населения своего собственного мира. Времени на адаптацию к новым природным условиям у человечества практически не было. Исключить вероятность того, что разумная жизнь на Земле в том виде, в котором мы ее знали, вымирает, я не мог. И если эволюция пошла именно по такому сценарию, дела наши плохи. Я видел взгляд научного руководителя миссии «Магеллана» на первом брифинге. Он наверняка пришел к тем же выводам, что и я. На борту «Магеллана» – семь миллиардов генетически исправленных человеческих эмбрионов и пятнадцать тысяч колонистов, готовых запустить их в наш новый мир. Наша исходная миссия состояла в том, чтобы сотворить из ничего человеческую цивилизацию на безжизненной планете в пяти тысячах световых лет от дома, тем самым удваивая шансы на выживание нашего вида в безмерном космическом пространстве.

На первый взгляд – проблемы нет, но мне как историку-антропологу была ясна обеспокоенность нашего научного руководителя. Если мы придем к выводу, что нынешнее население Земли не способно адаптироваться к новому климату, и, как следствие, не может самовоспроизводиться, придется ждать полного вымирания нашего вида, корректировать условия жизни на планете под уже имеющиеся эмбрионы и засеивать эту жизнь заново. Проблема заключалась в том, что на очищение Земли от старых видов могут уйти сотни лет. Не все на «Магеллане» будут готовы ждать так долго.

Глава 5. Подготовка к спуску

Не думаю, что этой ночью кому-то удалось выспаться. Моя каюта, погруженная во мрак, хоть и не пропускала ни единого звука, но все же стала для меня карцером, звеневшим тишиной в моей голове. И тишина эта больше раздражала, нежели позволяла отдохнуть.

Еще с вечера я быстро собрал все необходимые мне вещи и амуницию для работы на поверхности Земли в надежде, что после сборов смогу как следует выспаться. Но сон никак не шел. На свое собственное эмоциональное состояние повлиять гораздо труднее, нежели на чужое. Глаза глупо и бессмысленно смотрели в темноту и никак не хотели закрываться. Я несколько раз вставал и бродил по каюте. Неуютное дурное предчувствие не давало мне покоя. Неуловимой паутиной оно опутывало мое сознание, мешая расслабиться и отключить разум хотя бы на время. Человечество давно перешагнуло ту черту, когда к предчувствиям относились с суеверным страхом или пренебрежением. Психологами давно доказано, что предчувствие или интуиция – не что иное, как неосознанная работа нашего мозга, непрерывно обрабатывающего огромные пласты информации. Мозг анализирует все: опыт, фундаментальные знания, наблюдения, даже обрывки информации в виде фраз или звуков. Постоянная обработка поступающих данных заставляет обращать внимание на мелочи, сводить их воедино и делать выводы. «Дурное предчувствие» в этом ключе – попытка подсознания докричаться до нашего мышления и обратить внимание на детали, которые мы упускаем. Но в данный момент я не мог сделать верные выводы, было слишком мало информации. А на одном «предчувствии» далеко не уедешь. Сейчас я знал одно – нужно отвлечься и постараться поспать. Вопросы и ответы на них всплывут в голове сами по себе спустя время. Лишь бы не поздно.

Я с тоской взглянул на аптечку, мерцающую на противоположной стене каюты бледным светом. Прибегать к медикаментозному сну не хотелось, поскольку утром мне нужно было быть собранным и бодрым.

Внезапно посреди каюты всплыло сообщение – корабельный ЦУП сообщил мне об изменениях в составе десантных групп. Это означало лишь одно – меня все-таки отобрали. С нескрываемым чувством досады я вызвал диалоговое окно по бледно-голубой ссылке, подвешенной перед моими глазами ЦУПом, и убедился в этом. Свою фамилию я обнаружил в списке третьего шаттла. В составе моей группы семь человек: трое десантников из ОНР, геолог, терраформирователь и два пилота. Марии ни в одном из трех экипажей не было. Я нахмурился и отвернулся к переборке. Я бы не сопротивлялся, если бы взяли именно Марию, а не меня, тем более что она страстно того желала. Несмотря на полностью противоположный результат, мой эгоцентризм все же заставил меня улыбнуться. Связи в нашем обществе уже ничего не решали, и эксцентричная выходка второго старшего пилота звездного крейсера «Магеллан» лишь сыграла против нее. Капитан корабля должен руководствоваться в своих решениях только здравым смыслом, а не родственными чувствами, и посему жаловаться «папе» на руководителя ОНР было самым непродуманным шагом, на который могла пойти Мария. В итоге я решил, что волнуюсь именно из-за нее. Странно, но раньше я не замечал за собой такой чуткости к людям. Что-то она скрывала. Конечно, высадка на планету, которая пережила, возможно, самую серьезную катастрофу за последние тысячелетия, очень важна. Но не до такой же степени, чтобы опытный офицер галактического флота потерял самообладание. Нужно будет покопаться у Марии в голове, решил я. Но только по возвращении на «Магеллан». Сейчас есть дела и поважнее.

Я не люблю грубую силу, но для того чтобы все-таки уснуть, решил в эту ночь воспользоваться старым дедовским способом. Отключив силовые поля, имитирующие подушку и поясничный упор, я сунул себе под шею собственный кулак. Раньше так поступали морские пехотинцы, когда нужно было принудительно заснуть на марше. Кулаком пережималась одна из

сонных артерий, и человек, начиная испытывать гипоксию, постепенно погружался в сон. Об этом мне дед рассказывал. Не знаю, насколько правдивы были его рассказы, но этот метод действовал на меня безотказно. Вот и в этот раз я сам не заметил, как заснул.

Утро выдалось суматошным. Я отлично выспался, несмотря на сбой гравитатора ночью, и встал раньше будильника, однако в ангар прибыл одним из последних. На меня никто не обратил внимания, все были заняты финальной стадией подготовки к высадке. Все три шаттла были заправлены и дожидались погрузки научного оборудования. Продукты питания, оружие и авиетки уже были на борту. Пилоты заняли свои ложементы и методично проверяли системы кораблей. Остальные члены десантных групп кучковались тут же, в ангаре, ожидая команды к посадке. Они переглядывались и вполголоса обсуждали что-то между собой. Кто-то из экипажа показывал свежий синяк на плече – результат падения после несанкционированного отключения гравитации. Я тоже здорово приложился, хотя и без последствий. Остальные члены экипажа, очевидно не имевшие привычки спать с выключенными силовыми полями, не пострадали.

Среди экипажа я не был своим парнем, поскольку по долгу службы частенько становился занозой в их задницах. Еще перед полетом на мои плечи возложили ответственность за медицинский отбор членов экипажа и колонистов. И отбор проводился мной со всей строгостью, поскольку я понимал – те заболевания (пусть и незначительные), которые я пропущу на Земле, станут для меня и моей службы пожизненным геморроем там, в космосе, и только усугубятся после высадки в новом мире. Поэтому держался я особняком и друзей до поры до времени не заводил. Любые приятельские отношения неизбежно влекли за собой просьбы прикрыть глаза на те или иные проблемы со здоровьем. Плохим другом я быть не хотел, а посему вообще зарекся водить дружбу с подчиненными и коллегами. Во-вторых, меня опасались, поскольку должность начальника медицинской службы подразумевала также и высокое звание, а подчиненные, как правило, придерживались старинной солдатской поговорки – «подальше от начальства, поближе к камбузу».

Я огляделся и остался стоять в стороне. Раздражать подчиненных своим присутствием мне не улыбалось. Но все же к моей персоне вскоре проявил интерес служащий ангара. Молодой лейтенант, пробегая мимо, резко остановился, взглянул в прозрачный планшет и обратился ко мне:

– Товарищ начальник медицинской службы, разрешите вашу укладку?

Я кивнул и молча протянул ему свой рюкзак. Лейтенант взвесил силовым полем планшета мою поклажу, тут же нанес маркировку и понес мой нехитрый скарб в грузовой отсек шаттла.

– Вы летите на «Ермаке», – бросил он мне через плечо, удаляясь, – место 5-С.

Я кивнул лейтенанту, но тот уже не обращал на меня никакого внимания, программируя на своем планшете погрузчик. Плоский, как камбала, робот тут же потащил на себе паллет с личными вещами десантной группы шаттла «Ермак». Я ощутил легкий холодок неприязни, исходивший от этого лейтенанта, – как-то он со мной слишком небрежно разговаривал. Что ж, пожал я плечами, возможно, я когда-то и перешел ему дорогу. Очень может быть, что из-за меня он долго не мог пройти медкомиссию и попасть в состав экипажа «Магеллана», или же я забраковал кого-то из его друзей. Обо всем и не упомнишь.

Стоять с пустыми руками было неловко, и потому, отойдя в самый дальний уголок ангара, я присел на пустой оружейный ящик. Они все-таки решили вооружить челноки, подумал я, ощупывая ладонями холодный металл. Ну что ж, лишним не будет, конечно. Кто знает, что нас ждет там внизу?

Я залюбовался процессом погрузки. Активный и слаженный труд нескольких десятков работников ангара производил со стороны впечатление небольшого муравейника – одного из самых высокоорганизованных творений природы. Каждый сотрудник точно знал, где он

нужен в данный момент и куда следует направить свою энергию потом. Никто не руководил ни погрузкой, ни подготовкой челноков – все процессы были доведены до автоматизма и лишь ждали команды к исполнению. Организация труда на «Магеллане» представляла собой вершину управленческой мысли. Многие столетия эволюции «труда человека» как основного двигателя прогресса потребовались человечеству, чтобы принять и осмыслить собственное бессилие перед природой. Именно природа стала для нас лучшим учителем. Как только человек отказался от инфантильной мысли о том, что он является венцом творения этой самой природы. Как только он понял, что все, что он придумывает и делает хорошо, природа уже изобрела миллионы лет назад и сделала это лучше. Как только мы смирили собственную гордыню и вернулись на истинный путь познания, нам стали доступны технологии будущего. Технологии самой жизни. Мне на ум пришел один из первых примеров симбиоза человеческой мысли и мудрости самой планеты. В конце двадцать первого столетия промышленность, подстегиваемая установлением единого мирового правительства и завершением локальных горячих конфликтов и повсеместных экономических войн, достигла небывалых высот. Не отставало и автомобилестроение. Мы научились преодолевать гравитацию без использования подъемной силы воздуха. Постепенно самолеты планерного типа (да-да, те самые, с крыльями, как на голограммах из учебников истории) уступили место более комфортным аппаратам с антигравитаторами на борту. Простота технологии вкупе с дешевизной производства сыграли с нами злую шутку. В каждой семье на планете появилось по аэромобилею, а то и по два-три. И это несмотря на бурное развитие пассажирского транспорта и грузоперевозок. Небо над городами, как некогда в прошлом дороги, наводнилось транспортом всех возможных типов и модификаций. Были там и небольшие авиетки на двоих, и комфортабельные представительские аэромобили. А сколько моделей бюджетных летательных аппаратов придумали – не счесть! И курсировали они все по примитивным правилам дорожного движения конца двадцать первого века, топорно смонтированным в такие же допотопные правила полетов в воздушном пространстве. Естественно, что устаревшие нормы, регламентирующие полеты, в новых реалиях привели к колоссальному, просто беспрецедентному числу аварий в воздухе. Люди и в двухмерном-то пространстве, на дороге, порой не могли разъехаться. А тут их мозг получил команду думать, как проехать, а точнее, пролететь на разных высотах. Помимо скорости и направления рядовым автолюбителям пришлось учитывать кучу иных вводных: высоту, тангаж, крены, курс, глиссаду и прочие хитрости, пришедшие в их повседневную жизнь из авиации. Аэрошколы уже не справлялись с поставленной задачей. Центры регулирования воздушного и дорожного движения захлебывались. Не хватало ни глаз, ни рук. Работа диспетчера оказалась самой востребованной в мире. И мир этот был на волосок от транспортного коллапса, пока мы, наконец, не признали, что писанные человеком правила передвижения в доступных нам системах координат попросту не справляются с поставленными самим прогрессом задачами. И вот тогда старейшая из наук, биология, предложила свою альтернативу. Ученые-биологи заметили, вернее, осознали, что весь этот рой транспортных средств над мегаполисами очень напоминает пчелиный. Но только наш рой, в отличие от роя пчел, лишен был управления и коллективного разума. Каждый отдельный аэромобиль представлял собой локальную самостоятельную единицу – пчелу. И единица эта была, к сожалению, предоставлена сама себе. Летела она хаотично, порой не разбирая траектории, руководствуясь принципом «куда надо, туда и лечу». Очень часто всем было нужно в одну точку, и тогда происходило воистину грандиозное роение аэромобилей – воздушная пробка без малейшей возможности покинуть заданный квадрат без последствий. Природа решила эту проблему с легкостью. Все пчелы в семье имели доступ к единой информационной системе, которую в свою очередь строила и транслировала в пространство суперпчела – матка. Мы попросту скопировали эту модель организации. Не обошлось без корректив, конечно. Земля – не улей, пришлось учитывать масштабы. Место пчелиной матки заняли компьютеры-диспетчеры, имевшие доступ к каждому аэромобилею на

планете. Пользователю достаточно было задать нужную локацию, а дальше уже искусственный интеллект решал, как и каким путем добраться до места, сколько времени совершать погрузку-разгрузку и куда после этого девать аэромобиль. Все эти вычисления компьютер делал за долю секунды с учетом миллионов других маршрутов. Вычислительные способности тех примитивных компьютеров начала двадцать второго века оставляли желать лучшего, но все же их хватало для решения поставленных задач. Да, пользователь лишился свободы выбора, как, собственно, лишился и права на собственность. Выходило, что покупка аэромобиля давала лишь возможность мобильно передвигаться в пространстве, но не право обладать данным средством передвижения. Обладатель аэромобиля имел право вызвать его к своему дому, отправиться, скажем, на работу, высадиться на нужном для себя уровне, а после компьютер уже сам решал, куда теперь направить конкретную единицу-пчелу. После трудового дня человек так же вызывал авиетку или аэромобиль и летел домой. Но летел уже на другом экземпляре – на том, который был ближе к месту работы. Как, сколько по времени и на чем именно добираться до нужной точки за человека отныне решал искусственный интеллект. И порой его решения были не по нраву обывателю. Скажем, на концерт или хоккей на личном транспорте уже было не добраться, приходилось пользоваться общественным. Но в обществе, где благо самого общества превалировало над личным благом, волнения улеглись быстро. Слишком уж неоспоримым был факт преимущества новой транспортной системы над прежним транспортным хаосом. Отпала необходимость в исключительности дизайнера – все транспортные средства были унифицированы и подогнаны под общепринятый стандарт, во главе которого была безопасность. Упростилась и процедура получения летных прав, теперь достаточно было лишь достичь зрелости и иметь работу. Управлять аэромобилями самостоятельно имели право только профессиональные летчики, чья деятельность протекала вдали от маток-диспетчеров. Студентам и школьникам личный транспорт не полагался. Как, впрочем, и безработным людям. Зачем человеку личный транспорт, если он не использует его во благо общества?

В ангар тем временем пожаловала целая делегация во главе с капитаном «Магеллана». По озабоченности их лиц я понял, что, помимо общего совещания, у верхушки было и отдельное, закрытое. Странно, что меня в известность не поставили, я начальник медслужбы как-никак. Видимо, научный руководитель миссии все же решил действовать на опережение. Очевидно, он не разделял моего оптимизма относительно качества биологического материала на Земле. К тому же, если учесть количество выживших на планете, чаша весов автоматически склонялась в сторону искусственного заселения Земли. Что же, в таком случае мне придется работать более усердно. Я, хоть и отличался крайней степенью эгоцентризма, сволочью никогда не был и всегда считал самым ценным даром, имевшимся у общества, жизнь каждого члена этого общества.

Поступила команда на посадку. Никаких высокопарных речей не произносили. Все члены десантных групп спокойно заняли свои места, остальные просто покинули ангар. Затем была отключена искусственная гравитация. Отворилась переборка шлюза и первый из челноков, «Смелый», отделившись от мачты причала, медленно заплыл в шлюзовую камеру. На минуту скрывшись за переборкой, он покинул пределы корабля. Затем той же процедуре подвергся и «Смирный». «Ермак» покинул ангар «Магеллана» последним. Все три шаттла выстроились в линию напротив капитанской рубки нашего звездного крейсера, готовые к спуску.

Глава 6. Жесткая посадка

Коротенький пузатый шаттл вмещал восемнадцать пассажиров. Я занял свое место в проходе, единственный в ряду, но желания пересаживаться не возникло, в иллюминатор мне смотреть не хотелось – при входе в атмосферу за силовым полем все равно ничего не будет видно.

Процедуру высадки на планету все члены десанта знали назубок. По сути, все сводилось к простому правилу – сидеть и не двигаться. Всю остальную работу брал на себя корабельный ЦУП. Он фиксировал шаттлы в своих силовых лучах, рассчитывал оптимальную скорость и траекторию введения спускаемого аппарата в атмосферу планеты и мягко сопровождал его до самой посадки. Если честно, даже пилоты были не нужны. Их наличие в шаттлах было продиктовано все теми же условиями техники безопасности. Как и сама форма шаттлов. Никто не знал, с какими трудностями может столкнуться миссия в иной звездной системе, а потому предусматривались различные варианты высадки, включая архаичные. При самом фантастическом сценарии, скажем, если «Магеллан» будет поврежден или обесточен, высадку должны были производить пилоты путем торможения фюзеляжем корабля о плотные слои атмосферы. По сути, помимо космического лифта, в резерве у нас было лишь свободное падение или банальный полет с использованием формы шаттла и подъемной силы его крыльев. Этот же способ передвижения позволил бы вернуться обратно на орбиту. Покинуть планету можно было, набрав высоту на реактивной тяге, используя атмосферный кислород с последующим замыканием контура двигателей на кислород в баках.

Естественно, мало кто из непосвященных понимал, почему в этой экспедиции выбор пал именно на шаттлы (при условии отсутствия каких-либо повреждений на «Магеллане»). Не понимал этого и я, но знал, что на шаттлах настояла Мария. Ее послушали, старший пилот как-никак. Нас могли спустить на поверхность и в обычных транспортных капсулах. Даже если на Земле понадобилась бы коррекция положения капсулы или эвакуация, «Магеллан» с легкостью осуществил бы эти процедуры при помощи своих силовых полей. Но техника безопасности оставалась непреклонной. Дублировались все узлы и все системы. Все способы доставки также было решено продублировать.

Я постарался расслабиться в собственном кресле. Ощущалась легкая перегрузка. Нас уже захватили лучом и вели к точке ввода в атмосферу. Скорость на таком расстоянии от поверхности Земли не ощущалась, хотя и была запредельной. Если бы не силовые поля, мы бы уже испарились. Луч должен был плавно ввести нас в плотные слои атмосферы, а затем, удлинясь, произвести торможение, спуск и, наконец, посадку. Затем «Магеллан» скроется за кривизной планеты, а мы останемся предоставленными сами себе. Краем глаза я увидел в иллюминатор отблеск солнца, прячущегося за планетой. Нас десантировали под покровом ночи. Аборигенам мы представимся как три небольших метеора. Никто не придаст значения, даже если и увидит. Затем иллюминаторы потемнели, мы начали ощущать легкую вибрацию. Вероятно, входили в плотные слои атмосферы, но сквозь мощные силовые поля самим шаттлам колоссальные перегрузки почти не передавались. Я закрыл глаза и вообразил, как неистово терзает трение нашу силовую оболочку, как бушует за бортом в каком-то метре от наших тел раскаленная стихия. Все-таки мы гении, подумал я. Как бы нас ни старалась сжечь наша родная планета, ей это вряд ли удастся. Силовые поля могли выдерживать температуры для работы на поверхности звезд, а о смешных двух-трех тысячах градусов, вызванных трением об атмосферу, и говорить не приходилось. Страшно было подумать, что раньше спускаемые аппараты просто падали и горели. Просто горели в атмосфере, пытаясь уберечь своими тонкими фюзеляжами хрупкие человеческие жизни. Эти смельчаки все-таки были героями, подумал я. Или психами, тут смотря с какой стороны взглянуть. Но пионеры космонавтики точно не были людьми обычными. У обычных слишком силен инстинкт самосохранения, но, с другой стороны, обычные люди и не

способны на поступок. Не открывают новые земли и планеты, не изобретают, не создают, не творят – на то они и обычные. И добровольно обычные люди ни на какие риски не идут.

Тряска усилилась, и мне пришлось открыть глаза. Члены экипажа удивленно переглядывались – на тренировках все проходило мягче. Я сам не заметил, как вцепился в свой ложемент, ведомый то ли инстинктом, то ли накапывающим страхом. Перегрузка росла. Меня стало вдавливать в кресло, и вскоре я уже не мог оторвать рук.

– Это нормально? – крикнул кто-то сзади, но ответа не последовало. По всему шаттлу разнесся визг системы пожаротушения. Запахло гарью. И в этот самый момент меня трянуло с такой силой, что, не будь я притянут к креслу полями, впечатался бы в потолок. Хотя потолком он сейчас был лишь номинально. Шаттл начало крутить. Определить, где низ, а где верх уже не представлялось возможным. Вибрация усиливалась, от пилотов не было никаких вестей – наши отсеки были разделены герметичной переборкой. Должно быть, в кабине сейчас несладко, пилотам не позавидуешь, но посадить нас на планету было их работой. Собственно, их только к этому и готовили всю жизнь. Жесткая перегрузка на один бок дала мне понять, что в данный момент мы находимся в свободном падении, и пилоты еще не сообразили, как вытянуть нас из этой нештатной ситуации. Судя по всему, нас вырвали из луча. «Магеллан» больше не сопровождал наш спуск, и мы вертелись в штопоре. Я понял это за долю секунды, бросив взгляд на ярко-алый свет, врывающийся сквозь иллюминатор внутрь «Ермака». Мы падали. Как самые первые космонавты. Падали и горели. Причем находились в менее выигранном положении – нас закрутило. Еще со времен летной школы я помнил: штопор – одно из самых опасных осложнений полета при условии, что у вас нет тяговых двигателей. По счастью, у нас они были. К звукам крушения присоединился сначала тонкий свист, а затем и сильнейший рев запущенных двигателей. Долго же они соображали. Постепенно боковая перегрузка ослабла, нас вновь впечатало в ложементы. Работали маневровые и маршевые двигатели. Голову уже повернуть не представлялось возможным. Визги системы пожаротушения умолкли, запаха гари не ощущалось. Наконец мы резко клюнули носом. По ощущениям, мы просто нырнули вниз с одновременным торможением. Заложило уши. Мы погружались в атмосферу. По четким кренам, ныркам и спиральям, проделываемым «Ермак», было понятно, что пилоты удержали тяжелую машину в воздухе, и полет (а это уже был именно полет, а не спуск) контролировался ими. Нас перестало трясти. На связь вышел первый пилот и скупой доложил о ситуации:

– Десантной группе. «Магеллан» не отвечает. Сажаю челнок вручную. Место высадки скорректировано.

Кто-то позади меня выдохнул в голос, остальные сохраняли молчание. Неприятно запахло рвотой. Меня и самого сильно мутило. Я наконец смог оглядеться. В салоне челнока было темно, лишь узкие полоски света на полу и потолке, указывающие направление к выходам, выхватывали из мрака перепуганные лица горе-десантников. Несколько человек были без сознания. К таким перегрузкам нас никогда не готовили. Подобные ситуации просто не рассматривались в симуляторах, поскольку сам принцип передвижения с использованием воздуха и крыльев безнадежно устарел задолго до нашего рождения.

Еще с минуту мы закладывали один вираж за другим. А затем вновь началась крепкая тряска с четким ощущением торможения – мы опять клюнули носом. «Ермак» на мгновение замер и медленно опустился на поверхность планеты. Зажглось аварийное освещение, из кабины выбрались мокрые от пота пилоты, бросились оказывать помощь. Силовые поля отключились, и я ощутил всю прелесть настоящей гравитации. Тело, словно налитое свинцом, не хотело подчиняться мозгу. В невесомости мы пробыли считанные минуты, должно быть, необычные ощущения были связаны с запредельными нагрузками при посадке.

Меня немного кольнула совесть: *«Герман, ты же врач, почему твои обязанности выполняют пилоты?»*

Кое-как пересилив себя, я встал в проходе, но меня тотчас усадил обратно второй пилот: – Товарищ полковник, вам нужно прийти в себя. Мы справимся, вы же сами нас обучали...

Я кивнул. Признаться, после такой нагрузки геройствовать совсем не хотелось. Откинулся в кресле и закрыл глаза. Все. Успокоиться. Очевидно, я пребывал в шоке, как и все на борту «Ермака». Но начальник медслужбы – не все. Мне нужно срочно приводить в норму свои мысли и начинать думать.

Для начала я привел в порядок дыхание. Потом понизил пульс до приемлемых семидесяти ударов в минуту. Отлично. Нормализовать давление. Готово. Теперь можно проверить слух, зрение, осязание, обоняние. Итак, я в норме.

Тут же вокруг запищало, защелкало, застрекотало. Суетились пилоты, оказывая помощь пассажирам и попутно выполняя протоколы проверок систем шаттла. Я взглянул в иллюминатор. Кромешная тьма. Словно услышав мою мысленную просьбу, кто-то из пилотов включил внешнее освещение. Сквозь обугленное стекло иллюминатора разглядеть что-либо было невозможно.

– Вставайте, док! – кто-то тронул меня за плечо.

Я обернулся. Надо мной стоял командир нашей десантной группы, майор ОНР Егор Ковалев. Это его голос я слышал позади себя во время падения. Я кивнул и попытался встать.

– Надо выбраться наружу и осмотреться, – предложил он.

– Что произошло? – крикнул я.

Вокруг становилось шумно. Пилоты уже провели необходимые процедуры и теперь наперебой вызывали по связи «Магеллан». Но их коммуникаторы молчали.

– Попробуйте короткие волны, – посоветовал им Ковалев.

– Радио? Вы сейчас серьезно? – с укором посмотрел на майора второй пилот. – Мы уже лет двести не пользуемся этим примитивным способом передачи информации.

– Передатчик на борту есть?

– Ну, есть, – почесал затылок второй пилот.

– Ну, так его не просто так сюда запихали, старлей. Выполнять!

– Есть! – вытянулся в струнку пилот и бросился в кабину.

Ковалев, потирая затылок, обернулся ко мне.

– С «Магелланом» связи нет и, скорее всего, не будет, так хоть с другими шаттлами свяжемся.

– Я это уже понял. Думаете, диверсия? – предположил я.

– Не знаю, но луча мы лишились не просто так. Нужно понять, куда мы приземлились.

Пойдемте.

Мы надели шлемы и скафандры, вооружились и подошли к шлюзовой камере. Давление снаружи и внутри шаттла было одинаковым, поэтому шлюзовая камера отворилась автоматически. На всякий случай мы закрыли за собой переборку и опустили рампу. Тут же в грузовой отсек ворвался ветер вперемежку со снегом. Как только пурга, поднятая рампой, улеглась, мы воочию увидели мир, который некогда был нашим домом.

Перед нами простиралась сплошная белая стена леса. Рампа просто примяла своим весом ветви густого сосняка, но соседние деревья, облепленные снегом и инеем, не оставляли никаких сомнений – дальше мы никуда не продвинемся. Я взглянул на экран бортового компьютера, проверяя показатели. Химический состав атмосферы был приемлемым для дыхания. Концентрация кислорода в воздухе немного превышала привычный уровень, но все еще была допустимой. А вот температура окружающей среды...

– Мой датчик показывает минус сорок, – услышал я голос Ковалева.

– Мы были готовы к этому.

– Ну да?! – то ли спросил, то ли съерничал майор, пытаясь спуститься по скользкому трапу рампы к деревьям. – Слишком густой лес, мы даже не выйдем из корабля!

– А вот к этому мы уже не были готовы, – резюмировал я.

Мы огляделись. В свете мощных прожекторов глухая ночь в этом диком заснеженном лесу некогда родной полосы показалась мне какой-то нереальной. «Абсурд» – первое слово, пришедшее мне в голову. Я смотрел на этот дремучий лес, которому по нашим подсчетам было уже без малого полторы сотни лет, и не верил своим глазам. Если наша средняя полоса теперь вся в таком виде, то следы некогда могучей цивилизации мы будем искать очень долго.

– Вернемся внутрь, – предложил Ковалев, – какой смысл торчать тут на холоде? Нужно как следует пораскинуть мозгами.

Возразить мне было нечего, и мы подняли рампу. Когда мы вернулись, группа уже успокоилась. Пилоты все еще пытались связаться с «Магелланом» или другими шаттлами, но пока безрезультатно. Остальные члены десантной группы приводили в порядок салон и свою амуницию. Многочисленные сигналы тревоги были уже отключены, а потому на борту царило деловое оживление, ничем не выдававшее пережитую панику. Рвотные массы были убраны, ложементы приведены в сидячее положение, в грузовой отсек то и дело кто-то шнырял, возвращаясь обратно с приборами, датчиками, планшетами и едой.

Несмотря на то, что по званию я был старше Ковалева, фактически нашей группой руководил именно он. Я плюхнулся на свое место, стараясь призвать к порядку собственную голову. Внимание то и дело перескакивало с одной мысли на другую, мешая сосредоточиться и охватить картину в целом. Майор же, постояв в проходе подбоченившись, выдал здравую мысль:

– Герман Степанович! – я резко обернулся. Ковалев был первым, кто назвал меня по имени и отчеству за последние две сотни лет. Резануло слух, но я понял, что таким образом он сглаживает острые углы субординации. Он – майор, я – полковник. Обращаясь друг к другу по имени, никто из нас не потеряет лицо, но при этом всем будет понятно, что командует именно майор.

– Давайте-ка соберем брифинг в кабине пилотов, – предложил он.

– Не возражаю, Егор Васильевич, – подхватил его идею я и решительно встал. Мы направились в кабину по узкому проходу. Нас пропускали, прижимаясь к бортам.

– Кстати, можно просто Егор, – предложил Ковалев, обернувшись на ходу.

– Тогда просто Герман, – согласился я, и мы прошли в кабину пилотов.

– Связь? – с порога спросил майор пилотов, но те лишь руками развели.

– Ощущение, что на этой чертовой планете «Ермак» – единственный источник радиосигнала.

– Маяки «Смелого» и «Смирного» уже запеленговали?

– Никак нет, товарищ майор.

– Спутники связи на орбите? – продолжал перебирать варианты руководитель отряда ОНР.

– Их мы тоже ищем, – ответил второй пилот. – Их должны были запустить еще раньше нас, чтобы обеспечить бесперебойную связь с «Магелланом», но и они молчат.

– Так... – протянул Ковалев, хмурясь, – «Магеллан» не спутник, не игрушка. Такую махину видно с земли невооруженным глазом. Небо уже сканировали?

– Пока крейсер совершает облет Земли, мы ничего не увидим, – резонно заметил первый пилот.

– Сколько ждать до выхода «Магеллана» с другой стороны планеты? – вступил я в разговор.

Второй пилот открыл голокарту с изображением Земли и ввел параметры.

– Когда нас начали спускать, высота орбиты «Магеллана» над Землей была четыреста двадцать километров. При скорости движения по орбите в тридцать тысяч километров в час

они должны будут появиться в поле зрения через... – пилот завершил ввод данных, и компьютер выдал приблизительную орбиту и время, – ...через шестьдесят пять минут.

– Отлично, – сказал Ковалев. – У нас есть час, чтобы провести диагностику систем «Ермака», просмотреть весь наш путь, начиная с выпадения из луча и заканчивая полетом и посадкой. Может, увидим что-то полезное.

– На что обращать внимание, товарищ майор? – поинтересовался второй пилот.

– Мы сели крайне неудачно. Из корабля не выйти, – объяснил Ковалев. – Наверняка где-нибудь неподалеку есть поле или озеро, ну или хотя бы русло реки. Нам нужно будет перебраться на открытую местность, чтобы осмотреться.

– Озеро? – удивился второй пилот, но первый ответил за Ковалева, постучав по экрану монитора пальцем, указывавшим на температуру.

– За бортом минус сорок два градуса. Если в здешних местах есть озера, сейчас это идеальное место для посадки. Толщина льда позволит сесть, а саму гладь озера можно будет использовать в качестве радиомониторинга.

– Отлично соображаешь, капитан, – похвалил Ковалев первого пилота и повернулся ко мне.

– Ну, что скажешь, Герман?

Сказать мне было решительно нечего. Их план меня более чем устраивал. Чем раньше мы обнаружим «Магеллан», тем быстрее я смогу унести отсюда ноги. В конце концов, я медик, а не вояка десантно-штурмовой бригады ОНР. Изначально я должен был оценить популяцию землян в целом и двух-трех особей в частности. А в настоящий момент я могу изучать лишь синяки да ссадины своего экипажа. Вслух я, естественно, произнес иное:

– Нужно будет попытаться отследить траекторию посадки двух других челноков. Мы же можем отмотать запись нашей посадки и просмотреть инфракрасный след, оставленный «Смирным» и «Смелым».

– Верно, – подхватил Ковалев, но по его глазам я уже догадался, что эта мысль посетила его намного раньше, чем меня. Просто он, будучи более опытным руководителем, позволил мне поднять свой авторитет среди экипажа, – так и сделаем! Капитан, внесите техзадание в компьютер, посмотрим, куда приземлились наши товарищи.

– Ну, или куда они рухнули, – подвесил в воздухе мысль, и так сейчас вертевшуюся у всех в головах, второй пилот. Пролистывая длинный список показаний многочисленных приборов «Ермака», он украдкой поглядел на своего командира. Тот сосредоточенно долбил по виртуальной клавиатуре, внося техзадание. Очевидно, при посадке они оба что-то видели или даже держали с челноками связь. Но сейчас не хотели прямо озвучивать страшную весть о гибели двух челноков и шестнадцати членов экипажа.

Спустя десять минут в нашем распоряжении были жуткие кадры нашего крушения. Посадкой эту картину можно было назвать лишь условно. Было видно, что двигатели «Ермака» запустились в самый последний момент и что нам крупно повезло. Чего не скажешь о двух других шаттлах. Бесчувственная машина скрупулезно выполнила техническое задание первого пилота и дополнила свои видеозаписи трехмерной графикой, построенной на основе тепловых сигнатур двух других челноков. Мы собственными глазами увидели, как их закрутило после выхода из луча и в конце концов разорвало на части. Бесчисленным множеством горящих обломков упали они в нескольких сотнях километров от нас. В кабине повисла гробовая тишина. Ковалев тяжело дышал. Я увидел, как горит его лицо. Желваки напряглись. Наконец он произнес:

– Капитан, в сорока километрах отсюда есть ровная местность. Получится переместиться туда до выхода «Магеллана» из радиомолчания?

– Можно попытаться, товарищ майор. Топливный контур не поврежден. Герметичность не нарушена. Не факт, что мы можем рассчитывать на суборбитальный полет, но перелететь на поляну у нас получится.

– Хорошо. Действуйте. До выхода «Магеллана» осталось тридцать восемь минут.

Мы вернулись в салон. Я отдал команду экипажу занять свои места и зафиксироваться силовыми полями. Усаживаясь в свое собственное кресло, я посмотрел на Егора, проходящего мимо. Лицо его помрачнело, тут же накинув к его реальным сорока годам возраста не менее пяти лишних лет.

Тем временем «Ермак» задрожал всем корпусом, запустились маневровые двигатели на брюхе шаттла, и мы медленно, словно на ощупь, поднялись над лесом. Слой гари на иллюминаторах по-прежнему мешал что-либо разглядеть в кромешной тьме. Но полет оказался недолгим, уже через десять минут мы совершили мягкую посадку. На этот раз обошлось без лязга и скрежета деревьев.

Как только нас отпустило силовое поле, мы с Егором бросились в кабину пилотов. «Магеллан» с минуты на минуту должен был показаться с другой стороны планеты.

– Ну как? – спросил Ковалев, кладя руки на плечи пилотов.

– Пока пусто.

– Настроить визуальный контакт.

– Камеры уже рыскают, товарищ майор.

Прошли еще три тягостные минуты. Напряжение начинало угнетать. Где же это десятикилометровое корыто? Почему они молчат? Ох, как же много я мог высказать сейчас командиру «Магеллана». Сколько язвительных эпитетов в адрес руководителя ОНР Орлова роилось у меня в голове, но я сдерживался.

– Есть визуальный контакт! – закричал второй пилот. – Товарищ капитан, на три часа!

– Вижу, Коля, – отозвался первый пилот и тут же забубнил. – Я «Ермак», потерпели крушение, как слышно? Я «Ермак», потерпели крушение, «Магеллан», как слышно?

Одновременно с позывными он настраивал визуальный контакт. Еще два-три удара по виртуальной клавиатуре, и у нас перед глазами повисло четкое изображение нашего крейсера. Огромной величественной глыбой выползал этот исполин из-за кривизны планеты.

– Что-то не так с расчетами, – хмуро сказал Ковалев, и радость от долгожданной встречи резко пропала.

– Да, вижу. Уже проверяю, – коротко ответил первый пилот. Я пока не понимал, в чем дело, и вопросительно поглядел на Ковалева. Тот пальцем ткнул в строку параметров «Магеллана», сопровождавшую изображение корабля у верхнего левого угла голограммы. И тут я все понял. Высота орбиты увеличивалась. Скорость возрастала. «Магеллан» на всех парах совершал гравитационный маневр.

– Они уходят? – недоуменно, совсем по-детски произнес второй пилот.

В этот момент голограмма уже показывала весь десятикилометровый звездный крейсер, маршевые двигатели которого работали на полную мощность. Мы, не сговариваясь, вскочили со своих мест и бросились к рампе. На ходу натягивая шлемы, так и не дождавшись полного открытия люка, мы попрыгали в снег прямо так, в одних летных костюмах без скафандров и термобелья. Мы устремили свои взгляды в черное небо, густо усеянное звездами нашей галактики. Такой родной, такой знакомой. Но среди этой жемчужной россыпи звезд над самым горизонтом восходила самая яркая звезда, выбивающаяся из привычной картины звездного неба. То была звезда по имени «Магеллан». Мы все понимали, что произошло. «Магеллан» нас бросил.

Глава 7. Первые выводы

Мы вернулись на «Ермак». Вернее, меня и обоих пилотов вволок на него майор Ковалев. Помню, как детей малых тащил, за шкуру. Буквально сгреб нас всех в одну охапку и впихнул обратно по рампе внутрь челнока. Он первым из нас пришел в себя и спохватился – мы уже десять минут находились на открытом ночном воздухе без индивидуальных средств защиты и смотрели в черное, смоляное небо, усыпанное россыпью звезд. Так и до обморожения недолго. Это я понял позже по ожогам на руках, но тогда ни мне, ни пилотам не было дела ни до холода, ни до обморожений, ни до техники безопасности. Нам не нужно было объяснять, что именно произошло, и произошедшее буквально выбило из-под наших ног почву. «Магеллан» лег на курс. Работали маршевые двигатели. Мы это видели своими глазами. Яркая голубая звезда на западе была нашим смертным приговором. Все эти выводы пронесли в наших головах за долю секунды, и каждый следующий из них, связанный с этим фактом, все глубже вводил нас в ступор. Из отверстия рампы на нас недоуменно таращились остальные члены десанта. Еще бы, разумным наше поведение назвать никак было нельзя. Но миндальничать Ковалев не стал. Лишь только за нами закрылись ворота рампы, он собрал экстренное совещание.

Майор медленно ходил вдоль рядов кресел взад-вперед, ломая красные от холода пальцы и нервно играя желваками. Он молчал, собираясь с мыслями, и никто в салоне не смел нарушить это молчание. Несмотря на эти невербальные признаки паники, он сохранил лицо. Настоящий командир. Лидер. На меня же с пилотами смотреть было больно. Я тупо пялился в одну точку, все глубже проваливаясь в апатию, прикрывая рот такими же, как у Егора, обожженными морозом пальцами. Вот что меня грызло там на «Магеллане». Вот о чем предупреждало меня чутье! Нас предали. Первый пилот отвернулся к черному от гари иллюминатору, словно разглядывая живописнейший пейзаж, а второй пилот сидел в кабине, обхватив голову руками, и раскачивался. Кажется, он тихо плакал. Насколько мне было известно, второму пилоту Коле Болотову только на днях стукнуло тридцать один год. Психика не выдержала, и он дал волю эмоциям. Это хорошо для него. Эмоциональный всплеск, затем пустота, затем восстановление. Мне бы так, завистливо подумал я.

– Ситуация следующая, – наконец заговорил майор. Все вздрогнули, настолько неожиданно он начал говорить. – На планету из трех челноков приземлились только мы. Челноки «Смелый» и «Смирный» потерпели крушение. Это раз. «Магеллан» на связь не выходит. Это два. В настоящий момент они запустили маршевые двигатели. Судя по голубоватому оттенку свечения, запустили на полную мощность и выполняют гравитационный маневр. И это три.

Кто-то из ОНРовцев спросил:

– Выжившие с других челноков есть?

Первый пилот оторвался от иллюминатора и, покачав головой, тихо ответил:

– Скорость и угол вхождения в атмосферу были такими, что...

– Они погибли, – сурово подытожил Егор. – Есть записи. Они сгорели еще в стратосфере.

– Что означают действия «Магеллана»? – неуверенно спросил другой десантник. Ковалев бросил взгляд на первого пилота, но тот опустил глаза, предоставляя слово командиру.

– По непонятным нам причинам... – он сглотнул, – уверен, они должны быть крайне вескими, эти причины. Так вот, по непонятным нам причинам «Магеллан» принял решение покинуть орбиту Земли.

– Может, просто корректируют орбиту? – подхватил разговор геолог.

– Коррекция выполняется маневровыми, – грустно ответил первый пилот, – а сейчас работают маршевые двигатели. Они разгоняются, а не корректируют орбиту. Так поступают, только когда ... – Он не смог найти нужные слова, и за него договорил Ковалев.

– Когда нужно выйти из поля тяготения планеты. Очевидно, они планируют выход из Солнечной системы.

– Ну, так может сейчас увидят наш сигнал бедствия и развернутся? Может, они и не знают, что мы выжили? – не унимался геолог. Что ж, ему простительно не знать элементарные законы астронавигации. Ковалев вздохнул, но все же терпеливо пояснил:

– Корабли такого класса, как «Магеллан», слишком громоздки, чтобы просто остановиться и развернуться. Если на корабле работают маршевые двигатели, значит, сработал целый каскад предварительных команд и приготовлений к старту. Все члены экипажа находятся в своих капсулах.

– Это объясняет отсутствие связи, – вставил первый пилот.

– Да, но не объясняет причин данного маневра, – продолжил Ковалев. – До конца разгона связи с ними не будет. Пока протокол, по которому работает корабельный ЦУП, не будет выполнен, траектория «Магеллана» не изменится.

– Удалось просчитать, куда они летят? – спросил я с робкой надеждой в голосе. – Когда завершится разгон?

– Судя по траектории, они возвращаются к червоточине, – ответил первый пилот.

И тут на корабле воцарилось гробовое молчание. У всех в головах вертелась цифра, но никто не осмеливался произнести ее вслух. Двадцать пять лет. И это только чтобы долететь до границы Солнечной системы. Еще столько же, чтобы добраться до червоточины. Пятьдесят лет в одну сторону. Все эти нехитрые расчеты промелькнули в моей голове еще в кабине, когда мы увидели улетающий прочь крейсер. Именно эти цифры заставили нас броситься наружу, чтобы своими глазами увидеть этот предательский голубоватый отсвет работающих на пределе ионных двигателей. В голограмму верить не хотелось, не могло. «Нет! Нет! Нет!» – вертелось в моей голове. Быть такого не может! Я застрял здесь надолго, навсегда! Вот это я попал!

– Мы застряли здесь надолго, – словно прочел мои мысли Егор.

– А догнать мы их не можем? – не унимался старый геолог. – Мы же меньше, маневреннее... Мы же... – он явно начинал осознавать сказанное и хватался за любую бредовую мысль, способную родиться сейчас в его воспаленном сознании.

– У нас топлива хватит только для выхода на орбиту, – апатично пояснил пилот. – И нет никакой гарантии, что при посадке мы не повредили корпус. Было задымление, где-то повреждена проводка. Нас спасло лишь экстренное торможение двигателями.

– Но фюзеляж-то целый! Мы бы замерзли уже, если бы получили пробоину!

– Тепло поддерживается системой жизнеобеспечения. Температура будет нормальной даже при сквозном отверстии размером с кулак. Но для того чтобы шаттл разорвало в космосе, хватит и микротрещины. Я уже молчу о перегрузках при старте и наборе скорости. И потом, этот разговор – бессмысленный. После гравитационного маневра с включенными двигателями нам уже не догнать «Магеллан».

– Но ионные движки не дают такой тяги, как реактивные, – вступили в обсуждение другие десантники. Некоторые повставали с мест в возбуждении. – Точно! Это даже дети знают!

– Совершая посадку на Землю, мы сожгли слишком много топлива, – закрывая глаза и откидываясь на своем ложементе, ответил им первый пилот. – Я же говорю, если полетим, то хватит лишь на выход на околоземную орбиту. А дальше, при условии, конечно, что нас не разорвет в вакууме, мы будем просто совершать виток за витком вокруг планеты, пока не будем притянуты ее гравитацией и не сгорим. Второй такой посадки «Ермак» уже не осилит.

– Но это лучше, чем сидеть здесь! – закричал молодой парень терраформирователь. Его поддержали еще двое десантников. Они начали выкрикивать идеи, одну абсурднее другой:

– Нужно лишь на орбиту выйти, а там нас обнаружат! Лучше попытаться и погибнуть, чем замерзнуть тут насмерть! – кричали они.

Шум и недовольство нарастали, группой начинала овладевать паника. А паника на корабле порой хуже пожара.

– Встать! – вдруг громко и властно гаркнул Ковалев. Повисла тишина. Егор обвел взглядом взбунтовавшийся экипаж «Ермака». – Не забывайте, господа, вы все военнообязанные. Большинство из вас носят погоны и имеют корабельные должности. Вы все офицеры звездного флота Земли! И в данный момент для вас я – старший по должности. Вспомните, на чем стоит наша цивилизация?! Дисциплина! Единоначалие! Наука!

В повисшей тишине корабля голос майора звучал звонко, четко, словно кто-то правил молотом раскаленный металл. Каждое слово – как удар, высекающий снопы искр. И, к моему изумлению, эта мера подействовала на всех без исключения. Даже я подтянулся.

– Я повторяю свою команду. Встать!

Все встали.

– Смирно!

Все семь членов десантной группы вытянулись в струнку. Даже второй пилот вскочил со своего кресла в кабине, хотя Ковалев и не мог его видеть. Майор выждал паузу и, убедившись, что порядок на корабле восстановлен, продолжил:

– Экипаж, слушать мою команду! Панику – отставить! У нас есть приказ капитана «Магеллана», который никто не отменял. Его мы и будем выполнять. У нас есть задание и четкие инструкции по его выполнению. Это раз.

Мне нравилась эта привычка майора формулировать свои мысли по пунктам. Эти его «раз», «два», «три» позволяли понять суть приказа, а самое главное, позволяли понять, что сам приказывающий уже все обдумал, взвесил и сделал обоснованные выводы. Настолько обоснованные и четкие, что их можно даже упорядочить.

– Причину, по которой «Магеллану» пришлось покинуть орбиту Земли, мы узнаем лишь после установления с ним связи, – продолжал свою речь Ковалев. – У меня нет поводов усомниться в нашем капитане и его компетентности. Если им пришлось оставить нас, стало быть, иного выбора не было. Мы не можем делать выводы, не имея никаких данных. Это два. И третье, – Егор оглядел всех членов экипажа и уже мягче сказал. – Братцы, мы сейчас отрезаны от цивилизации, но положение наше не критичное. У нас есть присяга и долг, который мы выполним, несмотря ни на что. Даже если на это уйдет вся наша жизнь. Планета обитаема. Наши предки научились выживать на ней без электричества и передовых технологий, а значит, и мы сможем. Да, придется скорректировать тактику. Скорее всего, придется пойти на контакт с местным населением, ведь нам нужна будет провизия. Но, так или иначе, это не станет причиной провала нашей миссии. Мы изучим планету и ее население. Мы произведем математические расчеты и выполним работу. И когда «Магеллан» вернется, нам не будет стыдно перед товарищами. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Молчал и я. Стоял по стойке смирно, хотя мог и не выполнять этой команды. Я старший офицер не только на «Ермаке» – теперь я старший офицер на всей планете. Но в жизни все сложнее, нежели в табеле о рангах. В жизни старший тот, кто готов взять на себя ответственность. Старшим может оказаться человек младше тебя по возрасту, меньше ростом и слабее физически. Старшим может оказаться офицер ниже тебя по званию или вообще не имеющий такового. Старшим становится человек с железной волей. Человек со стержнем, как сказали бы наши предки, – то есть твердый, упрямый, уверенный в своих силах человек. И в Ковалеве все эти качества были. Был в нем этот стержень – стальной, закаленный в дальних космических походах, в горнилах звезд закаленный стержень. Я такого не имел. И потому стоял среди экипажа, вытянувшись по струнке. Уверенный, что меня поведут верной дорогой. Уверенный, что за меня примут решение, и что я подчинюсь. Ковалев нам был нужен сейчас. Именно он. Именно такой. А иначе... Иначе – крах.

Егор коротко скомандовал:

– Вольно.

Все успокоились и сели по своим местам. Порядок был восстановлен, хотя я смутно понимал, что это лишь временное затишье. Несмотря на все наши заслуги как представителей прогрессивного человечества, мы, тем не менее, оставались всего лишь людьми. Простым биологическим видом, способным к высшей нервной деятельности. И приобретенные нами качества, делавшие из нас цивилизованное общество, в отрыве от этого самого общества могут очень быстро дать слабину. То, что делало нас культурными, в отсутствии подпитки от этой самой культурной почвы рано или поздно уступит место нашему животному началу. Из элиты общества, из экипажа, из десантной группы всего через несколько лет мы превратимся в простую стаю. А стае нужен вождь. И Ковалев мог им стать.

Мои размышления прервал неуверенный голос второго пилота:

– Товарищ майор!

Ковалев поднял голову. Он ничуть не удивился, что Коля обратился к нему, а не ко мне. Что и требовалось доказать, подумал я.

– Вам нужно взглянуть на это, – уже взволнованнее выкрикнул парень и даже привстал в кабине пилота, разглядывая голокарту.

Мы с Егором переглянулись и побежали в кабину. За нами следом бросился первый пилот и все остальные. Нам понадобилась всего секунда, чтобы сориентироваться. На карте была видна наша планета, медленно удаляющийся от нее «Магеллан», а неподалеку от него – крохотный объект. Только, в отличие от крейсера, эта маленькая точка медленно, но верно направлялась в сторону Земли. За нашими спинами взволнованно зашептались. Я удивленно уставился на Егора:

– Как думаешь, что это? Челнок, шаттл?

Ковалев пожал плечами, пропуская первого пилота на его место. Тот быстро забарабанил по всплывшей перед картой клавиатуре. Резюмировал:

– Не похоже на челнок. Слишком маленькая тепловая сигнатура.

– Тогда что это? – удивленно посмотрел на него майор.

– Может, спутник? – предположил кто-то из десантников.

– Спутники так не маневрируют, да и зачем им на таком расстоянии спутники выпускать? – задумчиво сказал Ковалев.

– Похоже, – пригляделся к цифрам, сопровождающим на голокарте точку, второй пилот, – это спасательная капсула.

– Точно! – подтвердил первый пилот.

– Ага! – обрадовался Ковалев. – Я же говорил! Просто так они не могли от нас удрать! У них на борту произошло ЧП, и они решили убраться «Магеллан» подальше от планеты.

– Тогда почему спасательная капсула всего одна? – скептически заметил один из десантников. – Чем она нам поможет?

– Не знаю, – буркнул Ковалев. – Вот вскрыем ее и спросим у потерпевшего. Саша, Коля, отследите траекторию капсулы. Нам нужно будет добраться до нее раньше туземцев.

– Есть! – хором ответили пилоты и принялись колдовать с навигационными приборами.

– Отряд, слушай мою команду! – развернувшись к остальным членам десанта, командовал майор. – Чак, Сергей – подготовить скафандры и вооружение для поисковой миссии. Герман, тебя это тоже касается, ты врач, может понадобится твоя помощь. Остальным прибавиться в шаттле. Подготовиться к встрече гостя. Развернуть план первого дня миссии. После спасательной операции следуем по расписанию.

– Сколько у нас времени? – поинтересовался я у пилотов.

– Секунду, товарищ полковник... – ответил первый пилот, завершая расчеты. – Судя по траектории, тормозные двигатели должны включиться вот в этой точке, – он указал на точку вблизи планеты. – Торможение завершится вот здесь, – он протянул пунктирную линию до

следующей точки, – а вход в атмосферу состоится приблизительно... – еще несколько параметров были введены в компьютер, и он вывел результаты на карту. – Посадка состоится вот в этом квадрате в девять утра по местному времени.

– Это же в двух тысячах километрах от нас к северу, – сказал Ковалев и посмотрел на часы. – Так, ребята, у нас всего семь часов. Сможете подготовить «Ермак»?

Последняя фраза была адресована пилотам. Те закивали головами. Еще бы они не смогли, подумал я. Эта мелкая посудина в космосе – единственная ниточка, связывающая нас с «Магелланом». Да они сейчас и ведро помойное заставили бы полететь, только бы добраться до нее поскорее.

– Добро, – ответил Ковалев и, довольный, развернулся на одних пятках. Его глаза блестели азартом. Удовлетворенный, он взглянул внутрь челнока, где уже суетился экипаж. Все были при деле. Каждый занимался тем, чем должен был. Приказы выполнялись, и это очень понравилось майору. Я улыбнулся ему. Может, для нас и не все потеряно.

Глава 8. Нежданный гость

Подготовка к столь длительному перелету заняла без малого четыре часа. Две тысячи километров в условиях низкой видимости, на минимальных высотах и в незнакомой местности это не шутки. Как и предполагал Саша Репей, наш первый пилот, корпус «Ермака» изрядно потрепало при посадке. Ни о каких суборбитальных полетах речи уже быть не могло, это стало ясно после первого же наружного осмотра корабля. Ремонтная группа под руководством Ковалева в составе первого пилота и двух десантников обнаружила в огнеупорном слое корпуса семь пробоин различного диаметра. Должно быть, они появились от разлетающихся обломков двух других шаттлов. Эти повреждения восстановить не удалось – на «Ермаке» попросту не было подобного термостойкого материала. Повреждения корпуса расширились при увеличении температуры и в конце концов привели к потере герметичности. Раскаленная плазма, образовавшаяся из-за трения, прорвалась к внутреннему тонкому корпусу корабля, обуглила часть проводки и повредила систему регенерации воды. К счастью, экстренные меры, принятые пилотами, помогли избежать фатальных повреждений топливопроводов и баков. Утечки кислорода также удалось избежать.

– Считаю, легко отделались, – резюмировал Ковалев, возвращаясь на борт после первой вылазки.

Первый полноценный обход корабля также выявил несколько положительных для нас моментов. Во-первых, наши скафандры прекрасно подходили для работы на открытом воздухе. Терморегуляция была на высоте. Автономности скафандров в режиме энергосбережения должно было хватить, без малого на сутки. А это уже позволяло выполнять более длительные и трудоемкие вылазки в будущем. Плюс время работы скафандров можно было увеличить в несколько раз, захватив дополнительные источники питания. Так что с выполнением основной части миссии трудностей возникнуть не должно.

Беглый осмотр новой открытой местности помог определиться и с источниками пропитания группы – вокруг корабля были обнаружены многочисленные следы животных.

Судя по ледовым кернам, которые нам добыл геолог Боровский, мы приземлились на замерзшем болоте. Анализ верхних слоев льда показал, что на планете даже в зимнее время бывают резкие суточные перепады температур.

– Видите вот эти наслоения? – предъявил срез первых двух кернов восторженный геолог. – Очевидно, в этой местности бывают дни, когда солнце набирает такую активность, что верхние слои снега подтаивают, а ночью температура резко падает, и все пространство покрывается плотной коркой льда до трех сантиметров толщиной. Затем этот панцирь покрывается еще несколькими сантиметрами снега, и процесс повторяется. В течение зимы весь ледяной пласт прессуется под собственной массой, и уже к лету, когда устанавливаются теплые дни, эта местность больше походит на ледник.

– Раньше такие ледники тоже были, разве не так, доктор? – поинтересовался я.

– Конечно, товарищ полковник, только гораздо севернее...

– Леонид Захарович, означает ли это, что под нами и почва промерзла? – присоединился к обсуждению Ковалев. Доктор Боровский почесал затылок и неуверенно ответил:

– Я так понимаю, вы говорите о вечной мерзлоте? Трудно сказать. Вечная мерзлота или криолитозона характеризуется тем, что порода не прогревается выше нуля градусов даже летом. В нашу эру до шестидесяти процентов Евразии являлось зоной вечной мерзлоты. Нужны годы кропотливой работы сотен геологов, чтобы определить нынешнее положение дел. Масштабные бурильные работы, геологоразведка и кропотливый анализ данных – только так мы сможем очертить нынешнюю зону вечной мерзлоты.

– Доктор, вы так уверенно употребили словосочетание «наша эра»... – заметил я. Ковалев, протиравший свой шлем, поднял на доктора глаза. Леонид Боровский, немолодой уже ученый, оторвался от изучения своей находки и со вздохом ответил:

– Я не имею в виду геологическое понятие, господа, – он упаковал ледовый керн в уже подписанный тубус и, уложив его к остальным образцам, поднялся на ноги. – Ну а как вы хотели, молодые люди? Эрой можно назвать эпоху зарождения, расцвета, существования и заката одной цивилизации. Настало время новой системы летоисчисления. На Земле мы теперь – вымирающий вид. А значит, нам суждено увидеть закат нашей великолепной эры и зарождение новой.

Было очевидно, что с этой точки зрения на нашу ситуацию еще никто не смотрел. В шлюзовом отсеке, где мы приводили в порядок наше снаряжение, повисла тишина. Ковалев подхватил свой шлем и направился в салон. Отворив переборку, он подмигнул нам и бросил:

– Надеюсь, доктор, мы вскоре убедимся в том, что вы ошибаетесь.

– Я тоже на это надеюсь, коллега, – улыбнувшись, ответил геолог.

Завершив все приготовления к спасательной миссии, мы подкрепились сублиматом из наших запасов. Воду заранее натопили из снега. Химический анализ показал, что она вполне пригодна для питья, достаточно лишь простой фильтрации. Оба пилота от обеда отказались, им хотелось поскорее завершить ремонт и поднять «Ермак» в воздух. Пока мы ели, мимо то и дело пробегал Коля и выкрикивал первому пилоту какие-то показатели приборов из транспортного отсека.

– Подаю питание на антиграв, – кричал Репей.

– Есть питание! – отзывался Болотов.

– Напряжение?

– Норма!

– Вибрация?

– Не ощущается.

– Процент?

– Ноль целых, пять десятых!

– Синхронизирую... Жди... Жди... Готово. Поднимаю до трех. Как?

– Есть – три!

– Все. Дуй наружу, нужно закрепить проводку.

– Одеваюсь. Только обесточь там все.

– Уже. Пену не забудь.

Саша вышел из кабины пилотов довольный и обратился к Ковалеву:

– Корабль готов, товарищ майор. Можем лететь.

– Затемно доберемся?

– До восхода еще полтора часа. Будем там с первыми лучами. Повезет – проскочим незамеченными. Я высоко машину поднять не смогу, боюсь, не будет эта пена держать, задохнемся.

– А если в скафандрах? – вмешался я.

– Ну а смысл? – поднял бровь первый пилот. – Разница не существенная по времени будет, а кислород израсходуем.

– Ну, смотри, Саша, – кивнул Ковалев, – вы пилоты, вам виднее. Я в вашу вотчину лезть не буду. Поешь, а?

– Сейчас взлетим, на курс ляжем да и подкрепимся, – улыбнулся Репей. Глаза у него сейчас блестели, как у ребенка перед Новым годом. Чувствовалось ликование пилота – очень уж он свою работу любил.

Вернулся второй пилот.

– Все, Саш, готово.

– Держит?

– Ага. Посмотрим после перелета, может, и не надо будет заплатку ставить.

– Ну да. Всё, по коням! – залихватски выкрикнул первый пилот и, увлекая за собой помощника, направился в кабину.

Мы уселись по местам. Надо же, как нас вымуштровали, подумал я. Уже не принципиально, где сидеть, а все равно каждый занял именно свое место. Было немного волнительно, поэтому мозг и цеплялся за мелочи. Корпус завибрировал. Интересно, я волнуюсь из-за первого после крушения полета или из-за встречи с посланником «Магеллана»? Появился свист, в салон он проникал откуда-то сзади. Наконец пилоты прибавили обороты, и вибрация пропала, а вместо нее нас плавно вдавило в кресла. «Ермак» приподнялся над землей на два-три метра. Завис – это заработал антигравитатор. Наверное, я все же больше волновался за сам перелет, хотя мысль о спасательной капсуле меня тоже не покидала. Мимо в грузовой отсек пробежал первый пилот. Поколдовал над показаниями и, удовлетворенный, вернулся обратно в кабину. Только сейчас нас притянуло к креслам силовым полем.

– Как думаешь, Герман, – перекивая свист раскручивающейся турбины, спросил откуда-то сзади Ковалев, – кого они к нам послали?

Оказывается, не меня одного занимала эта мысль. Мы начали плавно разгоняться, нас немного вдавило в кресла и, как только мы набрали скорость, я развернулся к Егору, насколько позволяли силовые поля.

– Вот сию и о том же думаю. Тут два варианта.

– Какие?

– Руководитель миссии погиб на «Смелом», его зам потерпел крушение на «Смирном». Если на «Магеллане» решили убраться из Солнечной системы из-за какой-то неожиданной поломки, резонно, если они захотели бы оставить нам начальника.

– Думаешь, какая-то шишка?

– Любой старший офицер корабля. Может, даже сам Орлов.

– Начальник ОНР? Нет, он не оставит корабль с экипажем из-за горстки десантников, – возразил Егор.

– Да кто его знает! А может, научрук?

– А вот он может. В конце концов, это под его руководством проводилось второе заседание.

На последнем слове Егор осекся. Даже сквозь завывание двигателей я услышал этот перепад в его тональности. Значит, второе секретное совещание все же было, мне не показалось. И инициатором его был именно Зольский. Проводилось оно втайне от меня, и Егор знает об этом. Я продолжил раскручивать цепочку. Узнать о совещании Егор мог лишь от своего непосредственного начальника. Стало быть, на совещании этом были Орлов – начальник ОНР, Зольский – научный руководитель полета, сам капитан и, возможно, старпом. Чего же они меня-то не позвали? Это какой-то заговор? Вопрос.

– В любом случае, – попытался замять свою оплошность Ковалев, – посланник должен быть с головой. Начальник.

Я решил на время завязать с дедукцией и расслабиться. В настоящий момент разгадка этой странной интриги никак не поможет нам выжить.

– Нам и тебя, майор, хватило бы, – возразил я. – Вполне возможно, нам, наоборот, кого-то из младшего офицерского состава пришлют. Сам посуди – связи нет. Пока мы получим возможность связаться с ними, пройдет уйма лет. А чтобы популярно объяснить, что у них там произошло, подойдет любой мало-мальски грамотный колонист. Нам – лишние руки, а им – чистая совесть. Мол, ушли не по-английски.

– Я этого посланника склонен рассматривать как лишний рот, а не руки, – угрюмо ответил Ковалев. – Но, признаюсь, информация, которую этот рот может нам поведать, лишней не будет.

Мы замолчали, каждый погрузился в собственные мысли. Вышел второй пилот, взял себе и Саше по тубику сублимата и бутылку с водой.

– Как у нас дела? – остановил его на обратном пути Ковалев.

– Пока заплатка держит. Поднялись на две тысячи метров. Местные не должны увидеть.

– Скорость?

– Держим дозвуковую, мало ли что. Да нам и лететь-то... – Коля махнул рукой: мол, две тысячи километров для них раз плюнуть, и пошел в кабину. Хотя еще час назад не был уверен, что вообще в воздух поднимемся. Человек – удивительно самоуверенное существо, когда у него хоть в малом, но получается задуманное.

Я взглянул в иллюминатор, он все еще был черен. Нужно будет отмыть по прилету, подумал я, надоело пялиться на копоть. От скуки я начал вертеть головой. В иллюминаторе соседнего ряда, сквозь такое же, как и с моей стороны, закопченное стекло я увидел тусклое свечение. Угадывались теплые тона. Рассвет. Скоро прибудем к предполагаемому квадрату посадки и узнаем наконец-то, что же произошло на «Магеллане». А быть может, и получим новое задание. Новый стимул к жизни. Работа – она же мотивирует жить. Долгие века становления нашего нового объединенного общества показали, что лишь нашедший свое призвание индивидуум по-настоящему счастлив. Сотни, если не тысячи наблюдений и экспериментов указывали однозначно и безапелляционно на то, что блага или деньги – не сама цель для думающего существа, а лишь средства для его выживания. Смысл жизни не в получении награды или выгоды за проделанную работу. Не в том даже, что нечто материальное можно было бы приобрести в обмен на эту награду. Смысл жизни – в самом процессе труда. И чем ближе выбранная человеком трудовая деятельность к его натуре, чем интереснее для него его дело, тем эффективнее труд. А чем эффективнее труд, тем ярче результаты, тем счастливее человек.

Даже в самых первых забавных экспериментах, проводившихся учеными начала двадцать первого века, была четко определена роль труда в жизни общества и отдельного индивидуума. Несмотря на то, что менялись некоторые вводные, суть экспериментов оставалась прежней. Группу людей помещали под наблюдение в закрытое пространство и снабжали всеми возможными благами, какие только можно было себе представить. Им предоставлялось элитное жилье, питание, информационные технологии, развлечения. Ограничений почти не было. Они могли даже строить отношения друг с другом. Причем выбор партнеров не был ограничен ничем. Хочешь, пробуй с мужчиной, хочешь – с женщиной, а хочешь, устанавливай особые многоуровневые отношения. Единственным условием таких социальных экспериментов было ограничение созидательной деятельности. Людям, в рамках эксперимента помещенным в тепличные условия, запрещалось добывать блага своим трудом. Взять бесплатно – это пожалуйста. Создать или построить – уже нельзя. Условие распространялось и на отношения. Добиваться расположения партнера какими-либо действиями запрещалось. Пары создавались при минимальных затратах энергии с обеих сторон. Искать, добиваться, заинтересовывать, интриговать своими навыками и умениями было запрещено. Выбирай из того, что есть в среде обитания, и если тебя тоже выбрали – спаривайся. То есть эксперимент загонял в рамки потребления в том числе и половой инстинкт человека. Целью эксперимента было создать идеальную модель потребителя, а на основе этой модели создать и общество идеальных потребителей. Результаты были ошеломляющими. Ученые пришли к выводу, что человек, получающий всякие блага без усилий и труда, не способен надолго ощутить себя счастливым. Удовлетворялись лишь сиюминутные потребности. Но глобально в организме нарушались нейроэндокринные связи, закладывавшиеся и оттачивавшиеся в человеке тысячелетиями. Браки, созданные таким путем, в девяноста процентах случаев распадались. И наоборот: люди, которым приходилось ежедневно трудиться на интересной работе даже за маленькое денежное вознаграждение, чувствовали себя счастливее, нужнее. А дело все было лишь в том, как именно мозг получал гормоны счастья...

Не успела меня увлечь в свои дебри нейрофизиология, в которую мы яростно вгрызались в студенческие годы, как внимание переключилось на текущие события. Силовое поле сильнее притянуло меня к креслу, что говорило о скорой посадке. Я ожидал более длительного перелета. Взвыли двигатели, мы совершили несколько чувствительных кренов, вероятно, подбирая подходящую площадку для посадки, и мягко коснулись земли. Салон заполнился ярким светом, и из кабины с чувством выполненного долга, улыбаясь, вышли оба пилота.

– Радары зафиксировали капсулу, – предупредил вопрос Ковалева первый пилот. – Она уже совершила два витка вокруг Земли и приступила к торможению.

– Скоро свалится прямо нам на голову, – закончил второй пилот.

– Надеюсь, вы это не буквально, – выковыривая себя из кресла, отозвался геолог Боровский. – Как вы вычислили предполагаемый квадрат посадки?

– Ну конечно, я шучу. Вероятность падения капсулы прямо на «Ермак» ничтожная. А координаты посадки в таких случаях вычисляются очень просто. Любая посадка – это математически просчитанная манипуляция. Выполняется она с учетом алгоритмов, которые для всех спускаемых аппаратов одинаковые. Мы забили исходные вводные в наш компьютер и при его помощи вычислили...

«Ууип-Ууип-Ууип», – завершала сирена в кабине пилотов, перебивая Колю. Все обернулись. Ближе всего к пульту оказался Саша, он уже колдовал над картой.

– Все, приземлился! – радостно сказал он. – В семи километрах от нас.

– Есть изображение местности? – уточнил Ковалев.

– Да. Лес, – уныло отозвался пилот.

– Ну что же, придется прогуляться. Собираемся, господа.

По сути, нам нужно было лишь облачиться в скафандры и выкатить по рампе уже собранные авиетки. Мы быстро снарядились, и уже через десять минут наш маленький поисковый отряд вылетел на двух авиетках в сторону аварийного маяка. Я летел в паре с Егором. Десантники Сергей и Чак – за нами. Открытую местность мы преодолели, прижимаясь к земле, и только у самой кромки леса Ковалев потянул штурвал на себя и взмыл над заснеженной тайгой. Замелькали верхушки елей. Мы бесшумно скользили над сплошным серебристо-зеленым океаном, сдувая с макушек сорокаметровых деревьев снег и пугая зазевавшихся ворон-одиночек. Я взглянул на восток. Робкая нежно-розовая полоска уже занималась на горизонте, позволяя оценить масштабы буйства природы. Лес, казалось, не имел ни начала, ни конца. Глазу зацепиться было не за что. Планета, хоть и была нам родной, но все же в корне отличалась от Земли, оставленной нами два столетия назад. Ни намек на инженерную мысль. Ни единого здания, ни единого рукотворного объекта, ни даже обломков. Лес, сплошная стена леса. Где-то выше, где-то ниже. Ни единого огонька. Ни единой искорки. Словно и не было на планете никого, кроме нас.

Вдруг посреди этой бескрайней зеленой массы мы увидели яркое пятно – место посадки капсулы. Красно-белый парашют над кронами, уже изодранный. Несколько горящих от посадочной реактивной системы деревьев. Внизу под ними раскачивалась обугленная капсула.

– Можешь больше не прижиматься, – услышал я голос у себя в шлеме и спохватился. От волнения я сам не заметил, как схватился за бока Егора, разглядывая внизу место посадки. Я разжал свои объятия и только сейчас понял, что действительно слишком уж сильно вцепился в майора.

– Мы тут не сядем! – выкрикнул Ковалев. – Герман, Сергей, доставайте манипуляторы. Фиксируйте с двух сторон капсулу, а я обрежу стропы.

Обе авиетки зависли над самыми деревьями. Я развернулся на своем месте и активировал манипулятор, то же самое проделал и десантник с соседней авиетки. Мы переглянулись и синхронно нажали на гашетку фиксации. Почти одновременно вспыхнули два голубоватых луча и зафиксировались на капсуле.

– Готово! – крикнул я Ковалеву. Тот достал из подсумка справа плазменный резак и, прицелившись, одним четким движением отсек от капсулы стропы. Вниз полетели части парашюта и посадочных систем, моментально вспыхнувшие ветки. Я ощутил приятную тяжесть – капсула теперь висела в наших лучах. Обе авиетки начали медленно набирать высоту, и уже вскоре посадочная капсула с обугленной надписью «Магеллан» на борту висела над лесом.

Я просканировал данные капсулы и с облегчением выдохнул. Внутри находился человек. В анабиозе.

– Живой! – крикнул я в эфир и тут же услышал радостные крики с «Ермака». За операцией пристально наблюдали наши товарищи.

– Ну, все, домой, – скомандовал майор Чаку, и они медленно набрали скорость, унося прочь нас и наш бесценный груз.

Вернулись мы, когда уже совсем рассвело. Пилоты авиеток бережно приземлили капсулу с дорогим гостем на поляну прямо перед опускающейся рампой «Ермака». По ней уже бежали вниз все без исключения члены группы. Пока мы сами приземлялись, капсулу уже привели в правильное положение и начали открывать. В радиоэфире царило что-то невообразимое. Все кричали в возбуждении, шутили, подзадоривали друг друга.

Кое-как приткнув к шаттлу свои авиетки, мы тоже бросились к капсуле, которую уже успели открыть. Пока бежали, меня опять кольнуло уже знакомое чувство тревоги. Странное, противное чувство. Казалось, такой радостный момент, откуда ему, предчувствию этому, взяться? Но нет. Жжет, противным сверлом кишки наматывает. Уже в паре шагов от капсулы я понял причину беспокойства. В радиоэфире еще минуту назад не протолкнуться было, слова не вставить, а сейчас царила полная тишина. Плотной стеной облепили мои товарищи по несчастью такую важную находку и смотрели внутрь в оцепенении. Сгорая от нетерпения, я кое-как протиснул между двумя пилотами свой шлем и обомлел. В криоотсеке спасательной капсулы лежала Мария.

Глава 9. У всех своих тайны

Как ни странно, я первым пришел в себя и скомандовал:

– Разойдись!

Мне уступили место для работы, и я подружился к системам капсулы. Несколько команд, и я уже в курсе, что с Марией все в порядке. *Откуда она здесь?...*

Еще пара пассов руками, и система приступила к процессу реанабиозации. *Откуда ОНА здесь?* В эфире по-прежнему царит торжественная тишина, которую прерывает Ковалев лишь спустя пять минут:

– Это звездац, – резюмирует он и командует. – Разойдись! Не мешайте доктору. Док, помощь нужна?

– Вещи теплые принесите через полчаса. Сразу она в себя не придет, еще сутки без сознания пробудет, но извлечь ее из капсулы нужно сегодня. До завтра она тут задубеет.

Все разошлись, позабыв, что находятся в эфире и бубня вполголоса: «девчонку прислали», «...ребята с камбуза говорили, она дочь капитана», «видать, дела-то совсем плохи, раз ее спасти решили...».

Я же остался возле Марии. *Откуда она здесь?* Этот вопрос словно на повторе вертелся у меня в голове. Я не мог не задавать его. Мария – второй пилот звездного крейсера «Магеллан», дочь капитана корабля. Почему она здесь? Почему не поселенец, не ОНР-овец, не научрук, не кто-либо иной, а именно она? Нет, думал я, не бывает таких совпадений. Я вспомнил, как сильно она упрашивала начальника ОНР, чтобы он включил ее в состав первого десанта. Зачем ей так нужно было попасть на Землю? Что ей до той Земли? До этой суровой планеты, у которой с нашим прежним миром ничего общего не осталось?

До полного выведения организма из анабиоза оставалось чуть более двадцати минут. Скорее чтобы убить время, нежели по какой-то конкретной причине я задал криокапсуле задачу провести биохимический анализ крови Марии. Тихонько зажужжал анализатор. На маленьком мониторе возникла и поползла в бок процентная шкала выполнения задачи. Пять, десять процентов, пятнадцать... Я наклонился к самому стеклу, стараясь получше разглядеть эту молодую женщину. В жизни она казалась старше, возможно, оттого что постоянно хмурилась. Две глубокие вертикальные бороздки, возникающие при этом на переносице, придавали её нежному лицу вид серьезный и озабоченный. А сейчас она лежала спокойная, как младенец. Ее бледное, обескровленное ещё лицо не выражало ни единой эмоции. Она сейчас даже не спала, глубокий анабиоз – это нечто среднее между жизнью и смертью. Мозговая активность на нуле, биохимические процессы замедлены. Даже характерных для спящего человека движений глазных яблок нет. *«Что же ты тут делаешь, Мария? Какую тайну ты принесла с собой на эту пустынную планету?»*

– Хороша, правда?

Я вздрогнул. Ковалев подкрался так тихо, что я, погруженный в раздумья, даже шагов его не расслышал. Он бросил в спасательную капсулу теплое, блестящее с обеих сторон покрывало и, словно извиняясь, продолжил:

– За вещичками пришел.

Я уставился на него, удивленный.

– За какими?

Егор сощурил глаза, пристально приглядываясь ко мне, потом улыбнулся и продолжил:

– Чертовски красивая, да, доктор?

Он подмигнул мне и указал взглядом на пространство вокруг криокапсулы. Только сейчас я понял его намек. Я был настолько озадачен появлением на планете именно Марии, что совсем не замечал происходящего вокруг.

– Да за её вещами я. Судя по всему, док, наша гостя была готова к такому повороту.

Егор перегнулся через борт и начал отстегивать от капсулы и вытаскивать наружу какие-то ящики. Отстегнул маленький, как раз по голове девушки, шлем. За ним в снег полетел и маленького размера скафандр, еще несколько небольших ящичков с неизвестным нам оборудованием и плазменный бластер.

– А наша гостя была готова к высадке, тебе так не кажется, Герман? – уже серьезнее спросил Егор, косясь на извлеченное из капсулы добро. – Стандартная спасательная капсула содержит лишь комплект первой помощи, – он кряхтел, водружая все ящички один на другой, – набор для выживания и запас еды на пару дней. А тут и оборудование какое-то, и костюмчик для выхода в свет по размеру подогнан.

– Она же второй пилот корабля, ей по рангу положен индивидуальный скафандр, – возразил я. Скорее ради поиска истины возразил, на самом деле мне самому было до жути интересно, почему Мария прилетела в полном обмундировании.

– А ты, Герман, представь себе картину. Её глазами посмотри на проблему. Вот три шаттла, посланные на Землю, терпят бедствие. Она это видит своими глазами. После на «Магеллане» происходит нечто такое, что заставляет экипаж принять решение об экстренной эвакуации крейсера из нашей системы. Шум! Гам! Сирены воют! Вокруг бегают люди, всех в принудительном порядке заставляют занять свои криокапсулы, иначе можно будет получить смертельные травмы при гравитационном маневре и разгоне корабля.

Я киваю головой, косясь на шкалу выполнения биохимии крови. Ковалев продолжает:

– И вот посреди всего этого безобразия ей нужно быстро сориентироваться и покинуть корабль на спасательном челноке.

Я пытаюсь возразить, но Егор меня останавливает и, поднимая палец вверх, говорит:

– Опустим вероятности и размышления на тему *«самостоятельно ли она решилась на этот шаг или ее папенька послал»*. Это она нам сама поведает, надеюсь. Так вот. Стал бы ты при всей этой суматохе, когда каждая секунда на счету, укомплектовывать спасательную капсулу специальным оборудованием? Бегал бы по кораблю в поисках своего личного скафандра?

Я не нашелся, что возразить.

– То-то же, – подвел итог майор. – Она была готова заранее. Она знала, что полетит к нам, и приготовилась к этому.

Я повернулся к Марии. Девушка по-прежнему лежала в своей капсуле. Спокойная. Безмятежная. Совсем на себя непохожая. Я взглянул на готовый результат крови. Задумался на мгновение. *«Вот зараза! Лучшие б не делал его...»* Вслух же Ковалеву ответил, качая головой:

– В одном ты точно ошибаешься, Егор.

– В чем это?

– Она не к нам летела, – я указал на Марию. – Она обнажена, это во-первых. Если человек точно знает, что его найдут в ближайшее время, ему не нужно укладываться в криокапсулу голым.

– Не улавливаю, – честно признался Егор.

– Полностью раздеваются для того, чтобы за долгие месяцы или годы пребывания в анабиозе не получить травм от плотно прилегающего белья. Для тех же целей используют полный цикл погружения в анабиоз. Кровь и лимфа заменяются специальным раствором. Легкие наполняются богатой кислородом жидкостью. Ради пары недель так истязать свой организм незачем. Вывод – она не знала, что мы живы. Она спускалась не к нам. И готовилась пролежать в анабиозе многие годы.

– К кому же она спускалась?

– Будем надеяться, она нам сама все расскажет, – развел я руками. – И да, – подмигнул я Ковалеву, – в остальном ты прав.

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Она действительно чертовски хороша.

Ковалев довольно хмыкнул и потащил все добро Марии на «Ермак». А я вновь повернулся к капсуле и вполголоса спросил у нее:

– Как же ты обвела меня вокруг пальца на предполетном осмотре, а?

– Эй, док! – окликнул меня Ковалев. Я обернулся, он уже почти поднялся по трапу. – Ты сказал «..она голая, и это – во-первых». А что тогда во-вторых?

Я напустил на себя задумчивый вид и бросил неопределенно:

– Пока не уверен, нужно провести пару тестов, и тогда скажу точнее.

– Договорились.

Ковалев окончательно скрылся в недрах шаттла, а я вернулся к работе с капсулой. Короткий сигнал возвестил о завершении реанабиозации. Лицо Марии уже налилось кровью и горело. Щелкнул автоматический затвор криокапсулы, и я открыл крышку. Та с шипением отъехала в сторону. Мария уже дышала самостоятельно, но была без сознания. Памятуя о дичайшем холоде, я быстро накрыл ее горячее тело одеялом, укутал ее и вызвал Егора. Вместе мы отнесли ее в шаттл.

Пока меня не было, Ковалев организовал для девушки импровизированную палату. Демонтировал пару кресел возле кабины пилотов, тем самым освободив пространство для работы врача, а самое переднее кресло перевел в положение ложемент. Пространство он отгородил импровизированной ширмой из маскировочного брезента. Смастерил даже рукомойник из двух пищевых ящиков.

– Когда девушка придет в себя, будет вам операционная комната, – пыхтел Егор, пока мы укладывали нашу гостью в ее кресло. После я измерил ей температуру тела, просканировал легкие и провел элементарные тесты нервной системы. Жар после анабиоза – нормальное явление, спадет самостоятельно на вторые сутки. Зрачки на свет реагировали, сердце и легкие были в порядке. Уровень кислорода в крови стремительно рос и уже на десятой минуте самостоятельного дыхания достиг нормы, но я пока не спешил отключать ее от газового инфузомата.

Завершив все необходимые процедуры и одев, наконец, свою подопечную в штатный комбинезон офицера звездного флота, обнаруженный мною в ее вещах, я вышел к остальным.

– Ну как она, доктор? – явно смущаясь, спросил доктор Боровский. В его голосе звучали отеческие нотки. Было очевидно, что он, как и все мы, не был готов к такому повороту событий.

Я оглядел присутствующих. Несмотря на то, что каждый занимался своим делом, после вопроса геолога все замерли и вопросительно уставились на меня. Я не стал томить мужчин ожиданием.

– Все хорошо, к следующему утру должна прийти в себя. Я ввел ей препараты, она сейчас крепко спит. Так что можете заниматься своими делами.

– Слышали, что доктор сказал? – моментально подхватил Ковалев. – Давайте, давайте, господа, вернемся к намеченному плану.

Он быстро сориентировал каждого члена экипажа, каждому дал поручение. Пилотов он попросил составить и выслать на все коммуникаторы подробную голокарту местности. Затем он сформировал первую разведывательную группу в составе трех человек, вооружил их и дал задание. Доктор Боровский сам себе придумал занятие, ему ничего поручать не пришлось, ну а у меня работа уже была. Так что спустя час мы остались в салоне с Егором одни. За ширмой мирно посапывала Мария.

Я уже заканчивал очередную запись в своем журнале, когда Ковалев все же решился заговорить. Весь последний час он проводил диагностику вооружений «Ермака», попутно ведя разговор с разведывательным отрядом. Поначалу мне тоже было интересно, и я слушал их переговоры. Но уже к двадцатой минуте рейда стало понятно, что, кроме снега и густого леса, наши разведчики ничего нового не обнаружат.

Ковалев получил от пилотов подробную карту местности и переслал ее разведчикам. Расширив зону обследования, он дал команду «до связи» и медленно подошел ко мне.

– Герман, ты извини, что сразу не сказал о втором совещании. Просто на нем научрук настоял, он хотел провести его только с военными.

– Я тоже военный, – поднял я взгляд на Егора, отрываясь от журнала.

– Не принимай на свой счет, – попытался оправдаться майор. Было очевидно, что ему неловко и что он явно не разделяет мнение начальства. Но мне было забавно смотреть на то, как переминается с ноги на ногу этот сильный и волевой человек. Видимо, не такой уж он и волевой, каким хотел казаться. Я мысленно пожурил себя за злорадство и поспешил успокоить товарища.

– Да ладно, не переживай. Я умею читать между строк. Если начальству нужно было скрыть ото всех свои планы, значит, так нужно. Мы люди военные и понимать должны.

– Но я не мог тебе рассказать о том, что обсуждалось на том брифинге.

– Ты и сейчас не можешь, Егор. Ты присягу давал.

– Да, но они там, а мы тут. Я же вижу, что происходит незапланированная ерунда, – майор явно начинал заводиться. – Разве может при таком раскладе сохранять свою силу приказ, исполнение которого уже не имеет никакого смысла?

– Исполнение приказов – единственное, что действительно имеет смысл в данной ситуации, – я встал и прошелся по салону. – Мы вернулись с другой стороны галактики именно благодаря тому, что научились четко формулировать приказы и столь же четко исполнять их. Каждый член нашего общества знает свое место. Знает, для чего он нужен. Командир нужен для того, чтобы приказывать, вести за собой, вдохновлять. А для подчиненного нет большей чести, чем четко выполнить приказ. Даже если на первый взгляд этот приказ не имеет никакого смысла.

– Но мне поручено...

– Никаких «но», Егор, – перебил я его. – Мы с тобой военные люди, и раз уж ты по должности старше меня, то тебе и карты в руки. Тебе ли не знать, что в нашем обществе «случайных» людей в командовании быть не может. А раз так, то и твое место занято тобой не напрасно.

– Просто нервы, Герман, ни к черту, – потухшим голосом ответил Ковалев.

Это мне и нужно было. Тонкая игра, которую я вел с ним, приводила меня к большим дивидендам. Я понимал, что влечить на себе бремя ответственности за людские судьбы – задача не для всех. Что рано или поздно каждый член нашей маленькой группы осознает, что мы на этой планете умрем. Сгинем задолго до появления связи с «Магелланом», и уж тем более не дождемся его возвращения. Просто каждый придет к этой мысли в свое время. И осознание этой простой и в то же время страшной истины будет протекать у всех по-разному. Я знал, что внешняя уверенность Егора в своих силах – временное явление. Рано или поздно его разум осознает всю трагичность нашего положения, и ему понадобится плечо помощи. Дружеская жилетка, в которую он сможет поплакать, высказать невысказанное. Посоветоваться, в конце концов. И единственным человеком на всей планете, которому Ковалев мог бы довериться в этом, был я. А значит, нужно было лишь набраться терпения. Настанет время, и майор сам откроет все свои карты. И чужие. Спешить нам уже некуда. А отвергая этот его самый первый порыв искренности, я лишь укрепляю в нем уверенность в необходимости открыться именно мне. И если сейчас он будет жестко фильтровать информацию и выдавать ее дозированно, то после преодоления своего личного психологического Рубикона он выложит мне все и сразу.

– Ты умный мужик, Егор, – подбодрил я его. – Если есть информация, которую тебя просили скрыть от посторонних ушей, значит, это часть плана. Посмотрим, что расскажет нам Мария, когда очнется. Сопоставишь факты. Сделаешь выводы. И если тогда тебе не удастся выстроить четкий план действий, будем думать вместе.

– То есть ты не держишь на меня зла?

– Нет, конечно, – натянул я на себя максимально радушную улыбку. – Мы с тобой делаем одно дело, просто ситуация вносит свои коррективы. Помимо дела, нам еще и выживать придется. Так что, как говорится, – я от души хлопнул его по плечу – чем смогу, Егор, помогу!

Майор улыбнулся. К нему возвратилась его былая уверенность в том, что он контролирует происходящее.

– Пойдем, пообедаем? – пригласил он меня.

– Пилотов тоже зови.

Мы оба были рады тому, что напряжение между нами исчезло. Позвали пилотов обедать, и следующие два часа весело проводили время на импровизированной кухне, устроенной в транспортном отсеке. А спустя еще пять минут на связь вышла наша разведывательная группа:

– На нас напали! Повторяю, на нас напали! Находимся под обстрелом!

Глава 10. Первый контакт

Конечно, никакой паники среди нас не было. В конце концов, мы для того и укомплектованы десантниками из ОНР. О возможных столкновениях с аборигенами мы знали заранее, но, тем не менее, весть о таком первом контакте нас огорчила.

Десантники докладывали по рации, что они наткнулись на местных жителей, когда проводили разведку просеки в заданном Ковалевым квадрате. Вероятно, просека являлась своеобразным трактом между поселениями, и наши ребята наткнулись на караван или местный патруль. В бой десантники пока не вступали, ограничившись активацией защитного поля. Аборигены же применяли самое примитивное огнестрельное оружие. Но, тем не менее, в тактическом плане действовали земляне грамотно. Разведчиков окружили и, перекрыв все возможные пути отхода, начали сжимать кольцо, прижимая к самой кромке непролазного леса. Отрезанные от своих авиеток, наши ребята окопались в каком-то овраге и произвели несколько предупредительных выстрелов из плазменного оружия. Две поваленные вековые сосны красноречиво свидетельствовали о техническом превосходстве обороняющихся, и потому кольцо блокады сжиматься перестало. Но и уходить местные жители не спешили, периодически напоминая о своем присутствии редкими одиночными выстрелами.

Ковалев уточнил у разведчиков, насколько хватит их батарей. Те доложили, что силовое поле продержится не больше часа, а затем им придется прорываться с боем. Допускать кровопролития Ковалев не хотел, ссориться с местными племенами нам тоже было ни к чему. Немного поразмыслив, Ковалев решил выдвинуться на помощь ребятам прямо на «Ермаке». Во-первых, рассуждал наш лидер, увидев наш корабль, местные поймут всю бессмысленность прямого боевого столкновения, а во-вторых, возможно, удастся наладить контакт. Мне не нравилась идея поднимать в воздух шаттл, нужно было экономить горючее, но ребята улетели на разведку на обеих авиетках (явный просчет Ковалева), так что выбора у нас не было.

Мы вернули на челнок нашего геолога, который, к слову, был очень огорчен тем, что мы опять не дали ему добуриться сквозь ледник до почвы. Но приказ есть приказ и он, бубня себе под нос что-то невнятное, со свежими ледяными кернами наперевес все же вернулся на борт.

Пристегиваться силовыми полями не стали. Иллюминаторы мы, наконец, отмыли, и было интересно посмотреть на нашу планету при свете дня. К тому же лететь было недолго. Мы мягко поднялись в воздух, включили антиграв, а затем на малой тяге маневровых двигателей долетели до горячей точки. Просека под нами появилась внезапно. Глазу хватило пяти минут полета, чтобы привыкнуть к густо поросшей лесом и кустарником местности, и потому внезапно открывшееся пустое пространство просеки нас удивило. С высоты было видно, что эта длинная полоса земли явно рукотворна. Словно кто-то прочертил линейкой длинную прямую линию по бескрайнему зеленому полотну. Простиралась она с запада на восток настолько далеко, насколько было видно глазу. Леонид заметил:

– В двадцатом веке вот так прокладывали железную дорогу, прямо через тайгу. Использовали, в основном, ручной труд заключенных. Так что можете представить, в каких условиях трудились наши предки, двигая вперед прогресс.

На нашем веку железную дорогу уже не использовали. После изобретения антиграва, принципиально новой технологии перемещения предметов в пространстве, необходимость в дорогом и морально устаревшем способе передвижения по рельсам отпала. Ученые быстро обозначили спектр применения нового прибора, и в одночасье вся планетарная логистика стала на порядок дешевле. В следующие несколько лет экономические показатели планеты били все мыслимые и немыслимые рекорды. Устаревшую железнодорожную технику утилизировали за пару лет, попутно модернизируя подвижные составы антигравитационными платформами. Малая авиация также быстро уступила место бурно развивающимся авиеткам. Лишь дальняя

авиация продолжала исправно функционировать еще с десятков лет, но затем конструкторы перенесли технологию и на эту отрасль. За каких-нибудь двадцать с небольшим лет планету было не узнать. Старые широкофюзеляжные самолеты утилизировали, равно как и огромные локомотивы. Большинство железнодорожных полотен разобрали, а остальное сгинуло естественным путем.

– Интересно, как же образовалась эта просека? – спросил я у геолога. Тот пожал плечами и указал пальцем в иллюминатор:

– Посмотрите, как ровно очерчена граница леса по обеим сторонам. Возможно, под тонким слоем почвы есть более позднее творение инженерной мысли – вакуумная труба или линии гидроакустической связи.

Еще с минуту мы продвигались на запад, а затем перед нами предстала картина боя. Местные обложили наших десантников с обеих сторон тракта. С востока, метрах в двухстах, находился обоз. Настоящий архаичный обоз – сани и две запряженные в них лошади. Вокруг толпились люди. Мы насчитали семь человек, в основном женщины и дети. На телеге нагромождение вещей: какие-то тюки, шубы, шкуры животных, пара ящиков военного образца и торчащий из всего этого хлама оружейный ствол. С такого расстояния не понять – то ли пулемет, то ли мелкокалиберная пушка. Дети копошились в санях, женщины сутились возле обоза.

Нас пока не замечали. Мы бесшумно заходили на посадку с востока и двигались по инерции, удерживая машину в воздухе одним лишь антигравом. Маневровые двигатели отключили загодя, чтобы не шокировать местных жителей ревом и языками пламени. Но, как только на обоз упала тень бесшумно подлетающего «Ермака», внизу все равно началось что-то невообразимое. Заметив нас, люди побросали все свои пожитки и начали разбегаться в стороны. Женщины хватали детей и прятались под санями. Некоторые мужики кинулись расчехлять свое оружие, а кто-то просто продирался сквозь сугробы к лесу, надеясь укрыться в его густоте. Дико ржущие кони, чувствуя всеобщее возбуждение, начали бить копытом, вставать на дыбы – вот-вот понесут с места.

Мы медленно проплыли над головами тыловиков и направились к передовому отряду туземцев. Там было еще три человека, они окопались в сорока метрах от наших ребят и лениво постреливали в их сторону. Вокруг десантников, прижатых к самой кромке леса, то и дело вспыхивало легкое голубоватое свечение – это силовое поле обрабатывало попадания пуль. Оружие у туземцев было до безобразия примитивное, наш компьютер даже марку определить не смог. Что-то среднее между автоматом и винтовкой. Мелкий калибр. Возможно, самопал. По сути, никому они вреда причинить своими пугачами не могли, разве что самим пораниться. Но тут до нападающих долетели крики от обоза, и они, лениво перевалившись с живота на бок, разглядели надвигающуюся с неба угрозу. Двое из них, быстро сообразив, что к чему, бросили свои винтовки и дали деру к остальным обозникам. Бежали, увязая в глубоком снегу, путаясь в длиннополых шубах, теряя шапки, рукавицы, толкая друг друга. Они падали, снова вставали, снова бежали. Третий же оказался не из робких. Ну или, наоборот, оторопел настолько, что ни до чего более умного не додумался, как лечь на спину, наставить на огромную железную машину свое бесполезное оружие и открыть огонь. Щелк, щелк, щелк – застрекотали по корпусу пульки. «Ермаку» даже силовое поле не нужно было включать. Для корпуса, выдерживающего попадание небольших астероидов, эти выстрелы, что горох о стену. Вскоре стало ясно, что храбрость тут ни при чем – нападающий пребывал в шоковом состоянии. Когда мы приземлились, патроны у него уже закончились, но бедняга, перепуганный насмерть, продолжал досылать по инерции невидимые патроны в патронник и нажимать на спусковой крючок. Еще через минуту он увидел, как мы, облаченные в скафандры, вышли из челнока. Бедный мужчина не мог даже пошевелиться, все смотрел на нас, лежа в сугробе, и стрелял, стрелял пустотой.

Двое боевиков, находившихся к западу от нас, и вовсе испарились. Они-то видели наше приземление со стороны, и нетрудно догадаться, какое впечатление произвела на них посадка

«Ермака». Мы спокойно встретились с нашими разведчиками, погрузили в шаттл авиетки и, не теряя времени, поднялись на пару километров вверх.

– Может, нужно было побеседовать с местными? – спросил я, как только спасательная миссия была окончена, и мы скрылись за плотными снежными облаками.

– Ты их видел? – спросил в свою очередь Ковалев. Они перепугались до смерти. Нам их еще по всему лесу пришлось бы отлавливать, прежде чем удалось бы хоть парой фраз перекинуться. Нет, Герман, у нас есть четкий протокол, как именно выходить на связь с представителями иной цивилизации. Вот его и будем придерживаться.

– Так это же люди! – удивился я. – Не иная цивилизация.

– Ты видел, как эти люди улепетывали от нас? – иронично парировал Егор. – Очевидно, что эти твои «люди» впервые в жизни видят шаттл. Еще и мы хороши! Вылезли в своих скафандрах. Они в шкурки одеты да меховые шапки, а мы со светящимися головами и в тоненьких костюмчиках. Ну, имей же критичное отношение к ситуации, док!

Я был вынужден согласиться с майором. Столь откровенная демонстрация страха при нашем появлении говорила лишь о том, что наши предки вообще не имеют понятия о своем прошлом. Мне эти выводы крайне не понравились. Значит, все настолько плохо, что ни у кого на планете нет даже генетической памяти о себе, о своем прошлом, о славных днях, когда наша цивилизация была на пике. Они действительно смотрели на нас, как на пришельцев. Или на демонов – нам еще только предстояло выяснить, какие именно фольклорные ассоциации могли у них возникнуть на наш счет.

– Сергей, Чак, Филипп, – обратился к спасенным разведчикам Ковалев, – что-нибудь удалось выяснить?

Старшим группы был Сергей Козырев, он и выступил вперед, держа в руках кружку горячего белкового коктейля:

– За четыре часа патрулирования – ни единого следа цивилизации. Кругом леса и болота. В основном непроходимый бурелом. Передвигаться крайне трудно, приходилось постоянно подниматься над лесом. Мы вышли на просеку около полудня. Приземлились. Я и Чак осматриваться пошли. Чака я на запад оправил, а сам двинул на восток. Филя копать остался возле авиеток.

– Не копать, а бурить, – надулся Филипп, наш штатный терраформирующий, совсем молодой еще парнишка. – Мне интересно было, почему на просеке деревья не растут.

– Так-так, и почему же? – оживился доктор Боровский.

– А там почвы совсем нет... – развел руками Филипп. – Насыпь это из щебня и песка. А под ним бетонное сооружение – то ли плита, то ли еще что. Я снег разгроб, добурился до этой преграды и все, дальше никак. А вдоль насыпи какие-то ржавые металлические палки проложены. Я так и не разобрался, что это.

Мы с Ковалевым переглянулись:

– Железная дорога?

– А ты ничего не путаешь, парень? – уточнил геолог. – Там точно железные пути?

– Да чего там путать-то? Два ржавых каната параллельно друг другу идут. Кое-где повреждены, правда, но в целом под снегом неплохо сохранились.

– Так, а дальше?

– Ну а дальше мы заметили движение на востоке, – продолжил Сергей. – Я попытался приблизиться, но те, недолго думая, открыли по нам огонь.

– Настырные оказались, – поддакнул Чак, – прижали нас к лесу, а потом и вовсе каким-то образом окружили.

– Пришлось пару раз шарахнуть плазменными по соснам, – виновато добавил Сергей. – Это их немного остудило.

Все замолчали. Егор почесал переносицу и уточнил:

– А с вами пытались связаться? Что-то кричали?

– Нет, они вообще странно себя вели, – ответил Сергей. – Палить сразу начали. Прицельно били. Кучно.

– Логично они себя вели, – ответил я. – Если у них тут в ходу крутые нравы, логичнее сперва избавиться от угрозы, а уж после дознаваться, что к чему. Разные поселения могут просто соперничать друг с другом за ресурсы, а могут и воевать. В таких случаях вопросы задаются постфактум. Между собой они как общались? Речь вы слышали?

Десантники покачали головами.

– А ты докопался до чего-нибудь, кроме бетона? – иронично спросил Ковалев у Филиппа. Но тот тоже замотал головой, мол, не успел. Больше из разведки выжать было нечего, и Ковалев отпустил их обедать. Мы же с майором остались возле кабины пилотов. Геолог тоже остался с нами. Егор постучал по переборке, открылась дверь, и из кабины высунулась взъерошенная голова первого пилота.

– Сколько у нас еще топлива? – поинтересовался Ковалев.

– Если только атигравом пользоваться, без силовых полей, то можем зависать хоть неделю, он энергии мало потребляет. А если лететь куда, тяга нужна.

– Сколько, в километрах? – не вытерпел Ковалев.

– Не больше двух сотен, товарищ майор, – ответил Саша. – Пока просто висим над лесом. Я немного поднялся, чтобы этих, – он кивнул куда-то вниз, – не тревожить сильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.